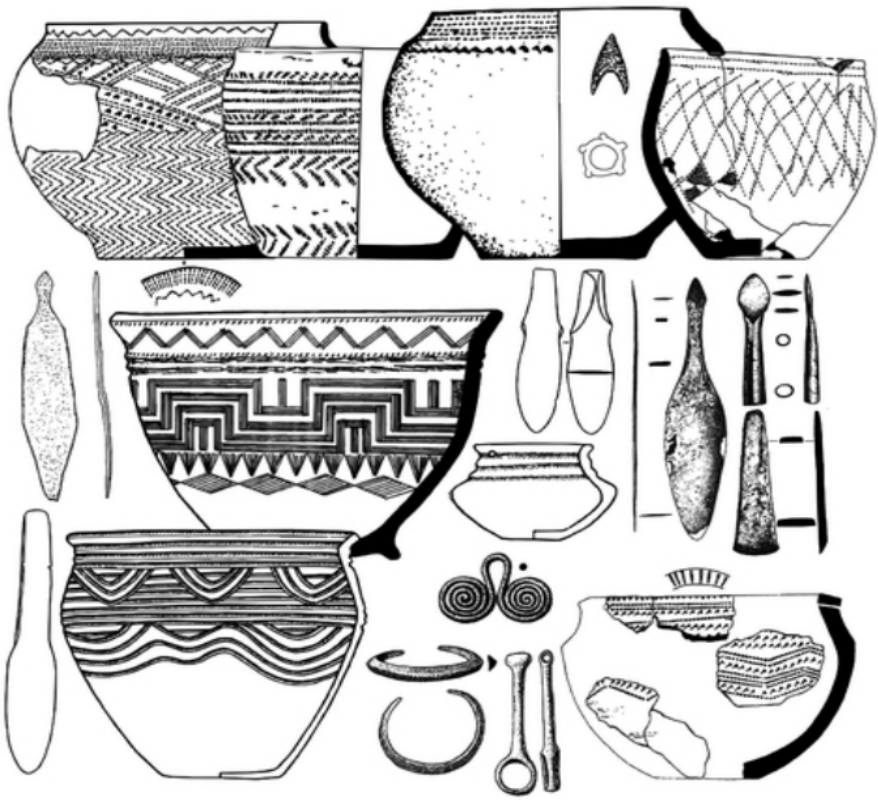
В. В. Ткачев

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В СТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пособие посвящено характеристике культурных образований заключительного этапа среднего бронзового века в степном Приуралье. Рассматриваются вопросы истории исследования, историографии основной проблематики, культурно-хронологической интерпретации памятников, направленности культурных взаимодействий и исторических судеб населения. Пособие может использоваться при изучении дисциплин «Археология», «История Урала», спецкурсов по бронзовому веку Южного Урала и Северной Евразии, для подготовки рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ, организации самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов. Издание подготовлено на основе новейших научных данных и не дублирует существующие учебники и учебные пособия.

- Ткачев В. В.
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
  - СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ткачев В. В.
Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Пособие для студентов специальности 032600 (050401) – История

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени Южное Приуралье фактически оставалось «terra incognita» на археологической карте среднего бронзового века (СБВ) Евразийской степи. Процесс накопления источников протекал исключительно сложно, и носил спорадический характер. К сожалению, нужно признать, что и по сию пору отсутствуют целенаправленные комплексные полевые исследования памятников рассматриваемого периода. Закономерным результатом такого положения вещей стало удручающее состояние теоретического осмысления и без того относительно скудных сведений, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Между тем, введение в научный оборот новых материалов и детальный анализ всего корпуса источников позволяют достаточно надежно разобраться в мозаичной картине культурных образований, функционировавших в регионе на различных этапах СБВ. Естественно, любые попытки решения вопросов, связанных как с характеристикой конкретных культурных групп, так и с выяснением их культурной атрибуции, определением хронологической позиции, направленности культурных контактов, будут диктовать необходимость выхода за рамки очерченной территории. Прежде всего, это обусловлено тем, что приуральские степи представляли собой только северо-восточную периферию колоссальной Циркумпонтийской провинции, включавшей в себя степные континуумы, сменившие древнеямную культурно-историческую общность (КИО), а ареал распространения отдельных культурных образований лишь отчасти включал изучаемый регион.

Следует также отметить, что памятники СБВ в степном Приуралье крайне немногочисленны, хотя и довольно репрезентативны (рис. 1). Это позволяет провести качественный анализ материалов, ибо выявление количественных статистически значимых показателей в силу непредставительности выборки было бы просто не корректно. Однако полученные в результате осуществленной процедуры данные легко верифицируются при сопоставлении с основными массивами памятников на сопредельных территориях, которые уже успешно подвергнуты статистической обработке. На этих основаниях и будет строиться дальнейшее изложение. Предметом обсуждения стали памятники заключительного этапа СБВ.

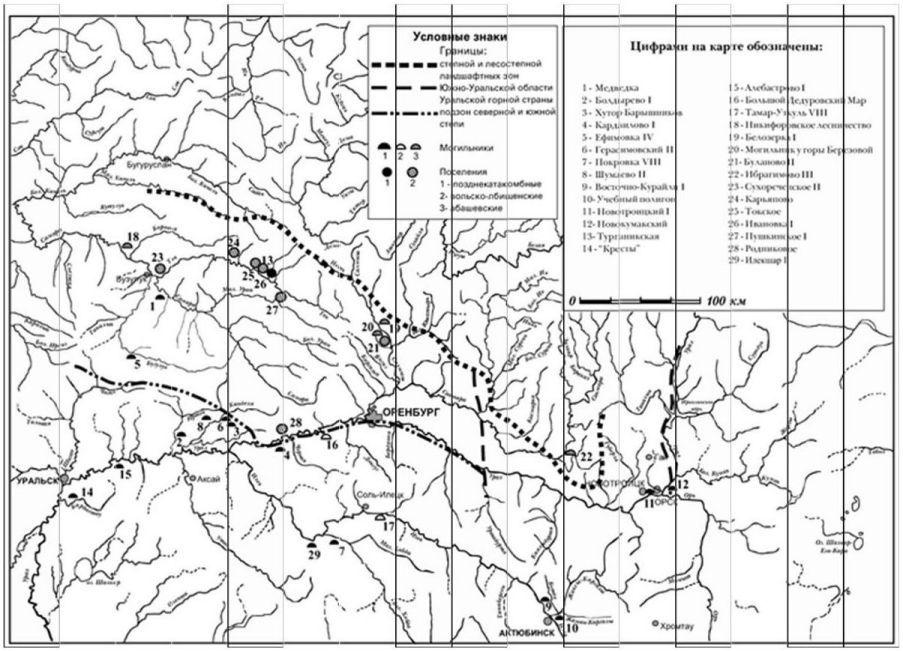


Рис. 1. Карта расположения памятников заключительного этапа СБВ в степном Приуралье.

ГЛАВА I
ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА

В 1956 году П. Д. Степановым была опубликована выразительная серия керамики с Вольского городища «Попово блюдечко» в Саратовской области. Систематизировав коллекции, начавшие поступать с 1913 г., и непосредственно обследовав памятник в 1955 г., автор пришел к выводу о неолитической принадлежности самобытного керамического комплекса, обозначив ряд других пунктов с подобной посудой (Степанов П. Д., 1956, с. 5-21). Позже П. Д. Либеров (1964, с. 150-152) высказал мнение об абашевской атрибуции Вольского городища, в то время как А. А. Формозов считал его катакомбным (Васильев И. Б., 1999, с. 71). Уникальная коллекция находок была получена в результате исследования А. В. Збруевой в 1938 г. «Царева кургана» в устье р. Сока (Збруева А. В., Смирнов А. А., 1939). Эти материалы недавно были качественно опубликованы и снабжены квалифицированными комментариями (Царев курган, 2003). Однако вплоть до начала 80-х годов XX века исследователям приходилось весьма сдержанно высказываться по поводу культурной принадлежности и хронологической позиции подобных материалов, выявленных к тому времени на Самарской луке (Васильев И. Б., 1975).

Только после проведения стационарных раскопок поселения Лбище в Ставропольском районе Самарской области в 1982-83 гг. дотоле разрозненные материалы обрели статус самостоятельного культурного явления, и заняли соответствующую хронологическую нишу в рамках СБВ (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1986, с. 62-69; Васильев И. Б. и др., 1987). Материалы вольско-лбищенского типа были получены при исследовании памятников Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия и Западного Казахстана, что позволило выяснить истинные масштабы явления (Васильев И. Б., 1999; с. 71).

Сложности, возникающие при определении культурной атрибуции памятников вольско-лбищенского типа, длительное время не позволяли определить восточные пределы их распространения. Не случайно, серия впускных захоронений из кургана 4 могильника ТамарУткуль VII в Соль-Илецком районе Оренбургской области сопоставлялась автором раскопок с абашевскими и фатьяновскобалановскими древностями *(Порохова*

О. И., 1987). Их принадлежность к вольско-лбищенской культурной группе была обоснована С. В. Богдановым лишь 10 лет спустя, после раскопок Большого Дедуровского Мара (Богданов С. В., 1998, с. 22, рис. 10; 11).

Не исключено, что на поселениях бронзового века в степном Приуралье тоже могут быть выявлены материалы вольсколбищенского облика, что позволило бы уточнить стратиграфическую позицию данной культурной группы в регионе. Но пока даже типологически выделить сколько-нибудь представительную коллекцию керамики, аналогичной хорошо известной поселенческой посуде Поволжья и Прикаспия, не удается. Не известны такие материалы и на бытовых памятниках в лесостепных районах Приуралья.

Однако следует заметить, что практически на той же долготе, что и описанные выше некрополи, но гораздо севернее, уже в Башкирском Приуралье, К. В. Сальниковым в 1965 году было исследовано уникальное парное захоронение на северной окраине г. Бирска (Сальников К. В., 1967, с. 118-119, рис. 2). Выразительный набор украшений, происходящих из Северо-Бирского могильника (рис. 2, 113) и находящих аналогии в памятниках унетицкой культуры в Моравии и Силезии, позволил автору датировать памятник доабашевским временем и отметить наличие культурных связей Приуралья со Средней Европой. Наряду с фатьяновскими и балановскими древностями, по мнению автора, материалы Северо-Бирского могильника маркируют восточное направление движения «культур шнуровой керамики» (там же, с. 119-122). Близкую точку зрения относительно культурно-хронологической позиции Северо-Бирского могильника высказала недавно О. В. Кузьмина (2001, с. 155). И. Б. Васильев приводит аргументы в пользу вольско-лбищенской принадлежности СевероБирского могильника (Васильев И. Б., 1999, с. 73). Показательно, что Алексеевский грунтовый могильник на севере Саратовской области, атрибутируемый в настоящее время как вольско-лбищенский (Богданов С. В., 1998, с. 22; Васильев И. Б., 1999, с. 69-70), первоначально был отнесен автором раскопок к фатьяновской культуре (Пестрикова В. И., 1979). Любопытно отметить, что О. В. Кузьмина считает, что памятники вольско-лбищенского типа являются отражением контактов абашевского и позднекатакомбного населения (Кузьмина О. В., 2001, с. 157-158).

Столь существенные разночтения в трактовке вольсколбищенских древностей неудивительны. Вряд ли вызовет возражение тезис о том, что генезис этой любопытной культурной группы связан с импульсом из среды шнуровых культур с

западной ориентацией (фатьяновско-балановской, среднеднепровской, унетицкой), воспринятым скотоводческим населением степных районов Волго-Уралья катакомбного времени (Васильев И. Б., 1999, с. 78). Свидетельства этого очевидны и хорошо известны. Но в вопросе о длительности существования этого культурного явления, а, следовательно, о возможности участия вольско-лбищенской культурной группы в культурогенезе позднего бронзового века (ПБВ), определенности значительно меньше. Исследователи неоднократно обращали внимание на трудно объяснимое сочетание в одних и тех же памятниках весьма архаичных изделий с заведомо более поздними.

Наиболее рельефно это проявляется в металле (Черных Е. Н., Кореневский С. Н., 1976, с. 201-208; Кореневский С. Н., 1977, с. 4648). Данная особенность вольско-лбищенских памятников усматривается и в Приуралье. Так в кургане 4 могильника Тамар-Уткуль VII обнаружены бронзовые шилья с упором, восходящие к циркумпонтийским традициям (рис. 3, 1, 2), массивная очковидная подвеска, треугольные в сечении браслеты с желобком на внутренней поверхности и ребром с насечками на внешней стороне, характерные для балановской металлообработки (рис. 3, 8, 10, 11). Но из этого же памятника происходит поздняя костяная кольцеобразная пряжка с планкой, снабженной дополнительным малым отверстием на конце, располагавшимся в перпендикулярной плоскости (рис. 3, 5). Практически идентичное изделие обнаружено в погребении, совершенном во рву Ливенцовской крепости в низовьях Дона, отнесенного С. Н. Братченко к позднему этапу культуры Бабино или каменско-ливенцовской группы (Братченко С. Н., 1995, с. 13, рис. 2, 6), на что уже обращали внимание исследователи (Богданов С. В., Халяпин М. В., 2000, с. 50). Морфологически или конструктивно с тамар-уткульской находкой сближаются пряжки из памятников позднего этапа культуры Гинчи на Северо-Западном Кавказе, погребения 18/1 у Ханлара в Азербайджане (Братченко С. Н., 1995, с. 11-13, рис. 2, 1-5). В большинстве случаев малое отверстие находится во фронтальной плоскости, однако в погребении 22 могильника Гинчи оно просверлено сбоку, так же как на экземпляре из Тамар-Уткуля VII, 4/3. Примечательно, что такое же расположение отверстий, предполагающее особый способ крепления ремней, отмечено на зооантропоморфной пряжке из позднекатакомбного погребения Чограй VIII, 38/1 на Восточном Маныче (там же, с. 11, рис. 2, 17). Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в закрытом комплексе с пряжкой в могильнике ТамарУткуль VII

обнаружены фаянсовые реберчатые пронизи (рис. 3, 6), типичные для позднекатакомбных памятников, а также пронизки из раковин DENTALIUM (рис. 3, 3, 4, 12). Превалирование украшений из раковин, кости, зубов животных является характерной чертой шнуровых культур (Кузьмина О. В., 2001, с. 154).

В целом, синхронизация вольско-лбищенской культурной группы с абашевской культурой, позднекатакомбными культурными образованиями и ранним этапом бабинской культуры (КМК), обоснованная недавно Р. А. Литвиненко (2001, с. 167, табл. 1), не вызывает возражений. Факты, подобные приведенным выше, могут свидетельствовать о некоторой хронологической протяженности функционирования вольско-лбищенской культурной группы. Поэтому нельзя исключать ее участие в генезисе культурных образовании ПБВ.

Вольско-лбищенская проблематика изобилует интереснейшими сюжетами. Так требует объяснения вопрос о том, что заставляло носителей лесных культур с боевыми топорами и шнуровой керамикой осваивать совершенно не свойственные им экологические ниши в степных районах Волго-Уралья и даже полупустынях Северного Прикаспия. Некоторые аналогии с вольско-лбищенским керамическим комплексом отмечены даже в морфологии и орнаментации глиняной посуды укрепленного поселения Токсанбай, открытого недавно на Устюрте (Самашев З. С. и др., 2002, с. 178). Топография вольско-лбищенских поселений, в том числе и в лесостепных районах Поволжья недвусмысленно указывает на наличие враждебного окружения. В то же время функционирование собственного очага металлообработки (Кореневский С. Н., 1977, с. 48), актуализирует проблему определения сырьевых источников, а значит и выяснения характера взаимодействий со степными культурами Волго-Уралья.

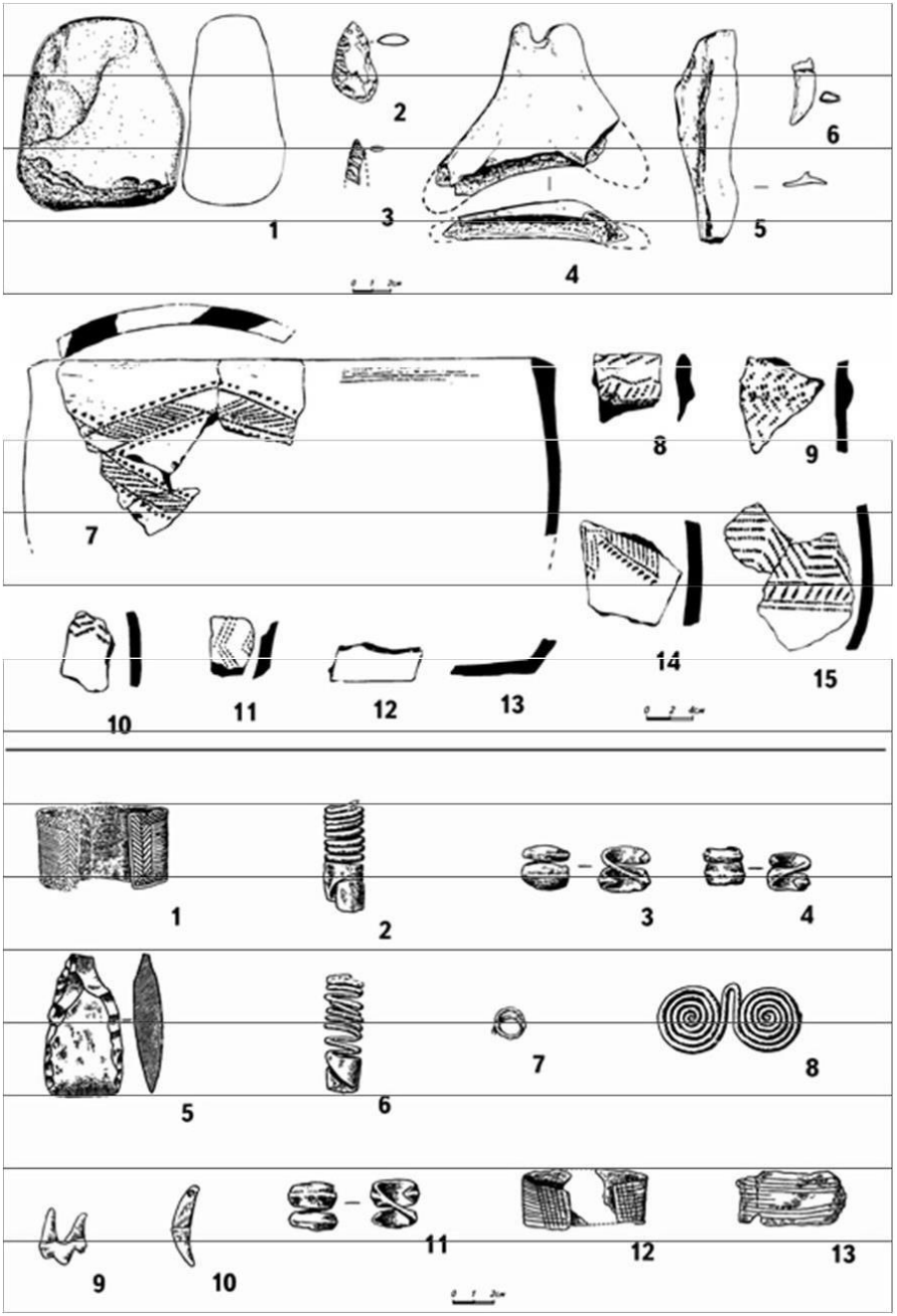


Рис. 2. Вольско-лбищенская культурная группа.

Большой Дедуровский Мар: 1-3 – камень, 4-6 – кость, 7-15 – керамика; СевероБирский могильник: 1-4, 6-8, 11-13 – бронза, 5 – камень, 9, 10 – кость.

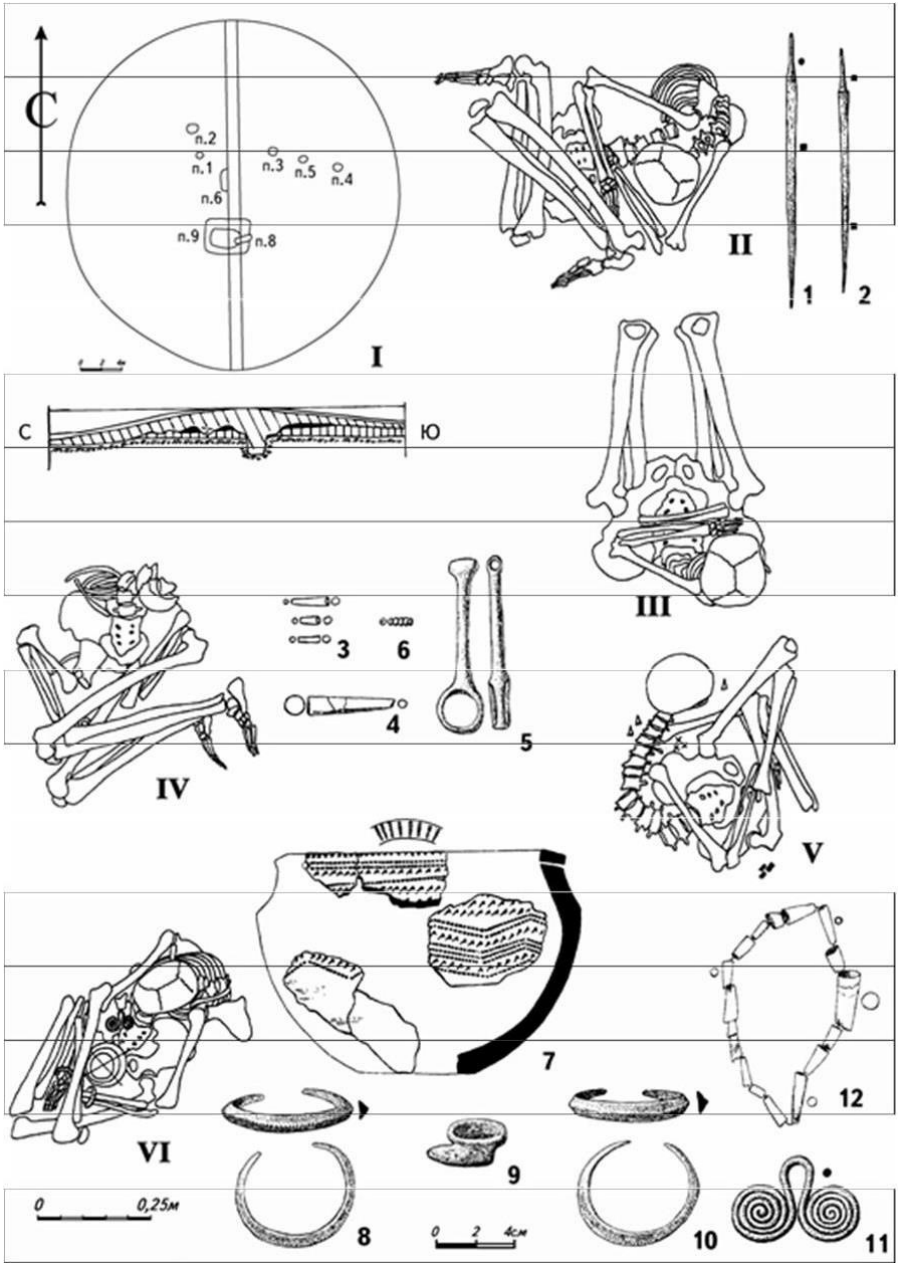


Рис. 3. Вольско-лбищенская культурная группа.

Могильник Тамар-Уткуль VII, курган 4: I – план и разрез кургана; II – план погребения 1; III – план погребения 2; IV – план погребения 3; V – план погребения 4; VI – план погребения 5; 1, 2 – инвентарь из погребения 1, 3-6 – инвентарь из погребения 3, 7-12 – инвентарь из погребения 5: 1, 2, 8, 10, 11 – бронза, 3, 4, 12 – аковина, 5 – кость, 6 – паста, 7 – керамика, 9 – камень.

ГЛАВА II
ПРИУРАЛЬСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Изучение абашевской культуры на Южном Урале имеет давнюю историю. Историографические обзоры по абашевским древностям лесостепных районов Приуралья присутствуют в ряде обобщающих работ (Горбунов В. С., 1986, с. 5-17; 1992б, с. 22-43, 143-144). Поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что в настоящее время абашевская культура является одной из наиболее хорошо изученных в регионе. Основательный фундамент для характеристики абашевских древностей в Приуралье был заложен К. В. Сальниковым (1967, с. 18-145).

К середине 80-х годов XX века, благодаря масштабным полевым исследованиям, источниковедческая база пополнилась большим количеством новых памятников. Их систематизацией, типологическим анализом вещевых комплексов, классификацией погребального обряда и архитектурных сооружений на поселениях и в некрополях особенно плодотворно занимается В. С. Горбунов. Осуществление первичных исследовательских процедур позволило исследователю не только дать исчерпывающую характеристику абашевских памятников на Южном Урале, но и непосредственно выйти на уровень историкокультурных реконструкций, обратившись, вслед за К. В. Сальниковым, к вопросам происхождения, периодизации и хронологии, выяснения направленности культурных взаимодействий и исторических судеб абашевского населения, получившим наиболее полное освещение в обобщающих монографических работах (Горбунов В. С., 1986; 1992, с. 143-153).

С точки зрения определения таксономического ранга абашевских памятников Приуралья выделяются два основных направления. С развитием теоретического положения, сформулированного еще в конце 50-х годов XX века А. П. Смирновым (1957, с. 19) о возможности выделения особой «баланбашской» культуры в бассейне р. Белой связана концепция абашевской культурно-исторической общности, в рамках которой массиву абашевских памятников Южного Урала придается статус самостоятельной археологической культуры. Впервые толкование абашевских древностей Приуралья как отдельной археологической культуры внутри абашевской культурно-

исторической общности было предложено А. Д. Пряхиным (1974, с. 14; 1976; 1977). К подобной трактовке явно склоняется еще один авторитетный современный исследователь абашевской культуры В. С. Горбунов, при этом синташтинские памятники в Зауралье рассматриваются автором в качестве локального восточного варианта приуральской абашевской культуры, наряду с баланбашскими, локализующимися к западу от Уральского хребта (Горбунов В. С., 1992, с. 144).

В то же время О. В. Кузьмина, последовательно и скрупулезно проанализировав систему погребальной обрядности и разработав детальную типологию материального комплекса, пришла к заключению о необходимости рассматривать абашевские памятники в Среднем Поволжье и Приуралье в рамках одной культуры. Различия между ними, по мнению автора, обусловлены расширением ареала распространения, в силу чего менялись основные векторы культурных взаимодействий, а также объясняются хронологической неоднородностью памятников внутри локальных вариантов (Кузьмина О. В., 1992; 1999; 2000; 2001).

Так или иначе, в указанных культурно-хронологических построениях фигурируют абашевские памятники, концентрирующиеся в лесостепных районах Башкирского Приуралья. Между тем в последние годы получены новые данные, свидетельствующие о продвижении абашевского населения в пределы собственно степного Приуралья, занятого в это время позднекатакомбной культурной группой. Это открывает интригующие перспективы для выяснения механизмов взаимодействия абашевской культуры со степными скотоводческими культурными образованиями на пороге ПБВ.

Справедливости ради следует заметить, что все известные в Оренбуржье абашевские памятники располагаются в подзоне северной степи и тяготеют к границе с лесостепью, примыкая к основному массиву абашевских поселений и некрополей Башкирии (рис. 1). Подобная локализация абашевских памятников в степном Приуралье совершенно естественна.

В общей сложности на рассматриваемой территории, в пределах Оренбургской области, известно 11 памятников, содержащих абашевские материалы. Часть из них сосредоточена в бассейне р. Самары, левого притока Волги. Другое скопление памятников отмечено на правых притоках р. Сакмары, впадающей в р. Урал недалеко от г. Оренбурга. Самым южным памятником является Родниковое поселение на р. Урал (рис. 1). Семь пунктов представлены немногочисленными коллекциями керамики абашевского облика, полученными при рекогносцировочном

обследовании либо в результате проведения стационарных раскопок поселений эпох энеолита – бронзы.

Наиболее многочисленная группа поселенческих памятников концентрируется на р. Ток, правом притоке р. Самары. Это поселения Ивановка I, Токское, Пушкинское I, Сухореченское II (*Моргунова Н. Л., 1979; Порохова О. И., 1979*; Моргунова Н. Л., Порохова О. И., 1989) (рис. 1; 9). Еще одним пунктом, где обнаружены абашевские материалы в этом районе, является поселение Карьяпово (*Порохова О. И., 1979*). Здесь зафиксирован разрушенный абашевский бескурганный могильник, расположенный на энеолитическом поселении. Среди разрозненных костных человеческих останков обнаружены фрагменты абашевской керамики, каменные орудия, бронзовые пронизь и бляшка-розетка. На одной из соседних дюн находился абашевский поселок.

Примечательно, что чуть ниже по течению р. Самары от Сухореченского II поселения, еще в пределах Бузулукского района Оренбургской области, исследован известный могильник у Никифоровского лесничества приуральской абашевской культуры (Васильев И. Б., Пряхин А. Д., 1979) (рис. 1). Могилы размещались рядами по линии ЮВ-СЗ. Ямы прямоугольной формы с закругленными углами имели, в основном, широтную ориентацию. Реконструируется положение костяков в позе вытянуто на спине, головой на запад или северо-запад (рис. 4). Инвентарь достаточно разнообразный: керамика, бронзовые ножи различных типов, тесло, шилья, скрепка. Очень выразителен набор украшений: бронзовые браслеты, перстень, различные витые подвески, бусины, пронизи, бляшка-розетка, плоские орнаментированные бляшки разной конфигурации, серебряные подвески в полтора оборота (рис. 4; 5).

Остальные абашевские памятники на интересующей нас территории связаны уже с бассейном р. Урал. Самым южным памятником является Родниковое поселение, расположенное в 4 км к западу от пос. Чесноковка Переволоцкого района Оренбургской области, на пониженном участке первой надпойменной террасы правого берега р. Урал, который протекает в 0,3 км к юго-востоку (рис. 1). Поселение многослойное. В результате раскопок была получена выразительная коллекция приуральской абашевской керамики (*Порохова О. И., 1983*) (рис. 9).

На левобережье р. Сакмары у подножия Губерлинских гор башкирскими археологами исследован разнокультурный курганный могильник Ибрагимовский III (Денисов И. В. и др., 2001, с. 76-82, рис. 1-3). Абашевские материалы обнаружены в

четырех курганах: №№ 14. Насыпи земляные незначительных размеров от 7 до 16 м в диаметре и от 0,13 до 0,5 м высотой. В кургане 4 зафиксирована каменная конструкция в виде «панциря» над центральной частью насыпи. На подкурганной площадке присутствуют одна или две могилы. Ямы неглубокие прямоугольных очертаний, ориентированные по линии СВЮЗ. Погребение 2 в кургане 2 совершено в прямоугольном каменном сооружении на уровне древнего горизонта. О характере ингумации судить сложно, так как все могилы разрушены, но исходя из сохранившихся in situ костей нижних конечностей взрослого индивида в кургане 1, можно предполагать вытянутую на спине позу и северо-восточную ориентировку костяка (Денисов И. В. и др., 2001, с. 77, рис. 1, 4). В могилах присутствуют кости крупного и мелкого рогатого скота. Инвентарь представлен керамикой, каменными черешковыми наконечниками стрел, бронзовыми и серебряными нашивными бляшками, рифлеными и реберчатыми пронизями, миниатюрной очковидной подвеской и золотой желобчатой височной подвеской в полтора оборота (рис. 6).

Великолепные памятники абашевской культуры выявлены недавно в среднем течении р. Салмыш, правого притока р. Сакмары (рис. 1). Наиболее выразительным на сегодняшний день абашевским некрополем в степном Приуралье нужно признать могильник Белозерский I (Халяпин М. В., 2000). Экспедицией Оренбургского госпедуниверситета в 1998 году было раскопано три из тринадцати курганов, расположенных на первой надпойменной террасе левого берега старицы р. Салмыш. Насыпи уплощенные диаметром 12-16 м и высотой от 0,3 до 0,6 м. Подкурганные сооружения представлены мощными каменными кольцами из поставленных на ребро массивных плит. Обычно в центральной части располагаются одна или две крупные могилы, на периферии под каменными выкладками в двух курганах обнаружены камеры небольших размеров. Надмогильные и внутримогильные конструкции представляли собой каменные выкладки, ящики или цисты, иногда сооруженные на уровне древнего горизонта (рис. 7, I-IV). Ямы прямоугольной формы со скругленными углами незначительно углубленные в материк. Погребальные сооружения ориентированы по линии СЗ-ЮВ. Практически все захоронения разрушены, поэтому реконструировать способы обращения с телами умерших не удалось. В ряде случаев на дне ям зафиксированы растительные подстилки, мел, охра. Широко практиковались огненные ритуалы, отмечены находки остатков жертвоприношений и заупокойных тризн в виде отдельных костей животных. Погребальный

инвентарь включал в себя глиняную посуду и бронзовые украшения: пронизи из спирально закрученной проволоки, желобчатые височные подвески в полтора или два оборота (рис. 7, 1-15). Один из сосудов был отремонтирован посредством бронзовой скобы (рис. 7, 11).

Несколько южнее описанного могильника, вниз по р. Салмышу, открыт уникальный могильник у горы Березовой, расположенный на краю первой надпойменной террасы (Халяпин М. В., 2001; 2005) (рис. 1). Можно выделить как минимум три стратиграфических горизонта функционирования погребальной площадки. Самый ранний из них относится к заключительной фазе СБВ. С этим периодом существования могильника связан низкий участок на окраине срубного поселения Буланово II, расположенного на останце у подошвы террасы правого берега р. Салмыш, между горой Березовой и болотом Гнилые Лозки, где выявлен слой с абашевской керамикой.

На территории памятника раскопана овальная в плане каменная ограда № 1, размерами 9,6х7,8 м, внутри которой фиксировалась небольшая грунтовая насыпь. Ограда сооружена из поставленных на ребро каменных плит и валунов больших размеров и массивных каменных плит, использовавшихся в качестве облицовки конструкции и крепиды для насыпи. В центральной части ограды исследовано сильно разрушенное основное погребение 3, совершенное на уровне материка. Контуры ямы проследить не удалось, но можно предполагать широтную с отклонением ориентацию могилы. Разрозненные человеческие кости принадлежали скелету женщины в возрасте 25-35 лет, лежавшей, вероятно, головой на северо-запад. На дне фиксировалась посыпка угольками, среди костных останков человека обнаружены кусок медного шлака и кость животного. В предполагаемом изголовье in situ стоял глиняный сосуд кубкообразной формы с плавнопрофилированным туловом, достаточно высокой, слегка отогнутой наружу шейкой, и небольшим поддоном с закраиной. Сосуд украшен горизонтальными и наклонными линиями, образующими по тулову горизонтальную елочку (рис. 8, 23). Декор выполнен глубоким небрежным прочерчиванием.

В пределах ограды зафиксированы еще два детских захоронения, отнесенных М. В. Халяпиным (2001) к числу позднесинташтинских. Не вдаваясь сейчас в проблему отнюдь культурной атрибуции указанных погребений, к которой вернемся позже, заметим, что планиграфически они вписываются в группу размещавшихся рядами погребений ПБВ, занимающих более позднюю стратиграфическую позицию. Показательно, что

детские погребения были впущены в ограду № 1 без учета особенностей рельефа, в соответствии с общей планировкой позднего некрополя. Тот факт, что впускные ямы нарушили каменную конструкцию (Халяпин М. В., 2001; 2005, с. 203-204), может свидетельствовать о значительном временном интервале между функционированием погребальной площадки в эпохи средней и поздней бронзы. По крайней мере, к моменту совершения впускных захоронений каменное сооружение, видимо, уже находилось в риунированном состоянии, и было полностью задерновано, так что не читалось в рельефе.

Внутри ограды и за ее пределами на различных глубинах обнаружено большое количество костей животных и обломков глиняной посуды. Для нашего исследования принципиальное значение имеет представительная коллекция абашевской керамики (рис. 8). Сосуды плоскодонные горшковидных и баночных форм с примесью толченых раковин в тесте. Превалируют горшки со сглаженным ребром на внешней стороне тулова и внутренним – на отгибе венчика, часто имеющим характерный желобок. В орнаментации широко представлены каннелюры, зигзаги, заштрихованные треугольники, фестоны, наколы уголка штампа или полой трубочки, налепные шишечки.

Отдельно следует упомянуть несколько фрагментов керамики из могильника у горы Березовой, не вписывающихся в стандарты гончарных традиций абашевской культуры. В коллекции присутствует обломок венчика от крупного сосуда, вероятно, реповидной формы с отогнутым венчиком. С обеих сторон гребенчатым штампом нанесен своеобразный паркетный орнамент (рис. 8, 5). На срезе венчика еще одного горшка с внутренним ребром отмечены крупные ямочные вдавления (рис. 8, 24). В орнаментации сосудов баночных форм иногда присутствуют фестоны с горизонтальной штриховкой и «бахромой» из насечек или наколов трубочки, а также налепные валики, зигзаги, волнистые линии (рис. 8, 3, 4). Вместо ракушечной примеси в формовочной массе таких сосудов содержится дресва. Видимо, эта группа керамики отражает смешение позднекатакомбных и абашевских гончарных традиций. Любопытно, что на площади некрополя зафиксировано несколько выкладок аморфных очертаний из камней небольших размеров. Погребений под ними не обнаружено, но встречается керамика. Точно такая же ситуация отмечена в грунтовом могильнике «Учебный полигон» в Актюбинской области (Родионов В. В., Ткачев В. В., 1996). Там расчищено погребение позднекатакомбного облика, недалеко от которого, под аналогичной каменной выкладкой, обнаружены фрагменты

массивного толстостенного сосуда, украшенного налепными валиками и фестонами с горизонтальной штриховкой (рис. 11, II, 5, 6). По всем позициям, в том числе и фактуре, этот сосуд демонстрирует сходство с отдельными образцами из синкретической керамической серии могильника у горы Березовой (рис. 8, 3).

В этом плане нужно отметить уникальную находку в могильнике у горы Березовой бронзового ножа, органично сочетавшего в себе абашевские и позднекатакомбные традиции металлообработки (рис. 8, 1). Форма орудия практически идентична ножам с коротким черенком и узким пятиугольным лезвием, включенным С. Н. Кореневским в группу 2 по разработанной им классификации, кстати, недостаточно подробной (Кореневский С. Н., 1978, с. 36-40, рис. 4) и хорошо известным во всех культурах катакомбного круга. Они присутствуют в поздних донецких и среднедонских комплексах (Смирнов А. М., 1996, рис. 47, 1-5; Матвеев Ю. П., 1998, рис. 3, 7; 4, 7). Представительная серия таких изделий происходит из памятников предкавказской манычской культуры, причем особенно монолитная группа выделяется в Северо-Западном Прикаспии, где они объединены недавно Е. И. Гаком в рамках типа VI катакомбных ножей (Гак Е. И., 2002, с. 284-286, рис. 4). Примечательно, что в Подонцовье и на Нижнем Дону подобные ножи встречаются, преимущественно, в погребениях манычского типа (Смирнов А. М., 1996, рис. 24, 14, 15; Братченко С. Н., 1976, рис. 13, 17, 18). Находки ножей данной разновидности отмечены в памятниках бабинской культуры (КМК) (Братченко С. Н., 1976, рис. 13, 5, 13). Применительно к березовскому экземпляру следует отметить, что, наследуя конструктивные детали ножей привольненского этапа кавказской металлургии, он демонстрирует за счет расширения в верхней части клинка признаки ножей с плямявидным лезвием самого позднего костромского этапа развития кавказской металлургии (Кияшко А. В., 2002, с. 26-27, рис. 7; 8; 28).

Такая конструктивная деталь как расковка окончания черенка на ноже из могильника у горы Березовой вполне типична для катакомбной металлообработки, однако четкая ромбическая форма навершия является стереотипной для абашевского кузнечного дела. Кроме того, лезвие на березовском ноже не имеет утолщения-перехвата как на катакомбных изделиях, а заточено с обеих сторон до самого черенка (рис. 8, 1). Столь специфическая комбинация признаков уже отмечалась на изделиях из финально-катакомбных погребений Среднего Дона, рассматриваемых в рамках катакомбно-абашевского

взаимодействия (Матвеев Ю. П., 1998, с. 8-19, рис. 4, 2, 7), а также из памятников бабинской культуры (КМК) (Братченко С. Н., 1976, рис. 13, 5).

Продолжая этот сюжет, следует обратить внимание еще на одну интересную находку, происходящую из могильника у горы Березовой. Речь идет о бронзовом крюке с раскованной втулкой, снабженной отверстием для крепления рукояти (Халяпин М. В., 2005, рис. 3, 3). В данном случае особый интерес вызывает то обстоятельство, что подобного рода изделия в интересующий нас период надежно увязываются с позднекатакомбной металлургией костромского этапа (Кияшко А. В., 2002, с. 28, рис. 22, 11), хотя крюки слабо эволюционируют по сравнению с привольненским периодом развития кавказской металлургии (рис. 8, 6). Примечательно, что металлический крюк позднекатакомбного облика был обнаружен на абашевском поселении Тюбяк в Башкирском Приуралье (Горбунов В. С., 1992, рис. 16; Обыденнов М. Ф. и др., 2001, рис. 49, 8).

Для синхронизации и выяснения механизмов абашевскокатакомбного взаимодействия в степном Приуралье исключительное значение имеет группировка предметов из жертвенной ямы (бофра), впущенной в древнеямный курган 6 II Герасимовского могильника (Порохова О. И., 1992, рис. 4). Здесь абашевские шило и нож с едва выделенным перекрестием и ромбической пяткой черенка, изготовленные из мышьяковистой бронзы группы ТК, зафиксированы в комплексе с глиняным сосудом, типичным для позднекатакомбной культурной группы Приуралья (рис. 10, 5-7).

Вообще, нужно заметить, что вопросы синхронизации абашевской культуры с позднекатакомбными культурными образованиями уже ставился неоднократно, приводились аргументы и в пользу наличия контактов между ними (Горбунов В. С., 1992а, с. 120-126, рис. 16; Кузьмина О. В., 2001, с. 157-159). Приводившиеся в работах исследователей свидетельства абашевско-катакомбных взаимодействий скорее объясняют природу самобытности абашевских памятников Приуралья на стадии становления, за счет заимствования катакомбных и северокавказских традиций. Пока по достоинству не оценены новации, появившиеся с выходом абашевской культуры в Приуралье. В погребальной обрядности это проявилось в появлении монументальных каменных подкурганных и внутримогильных конструкций, склеповом характере усыпальниц, широком распространении вытянутого на спине положения костяков, вторичных захоронений. В металлургии и металлообработке можно отметить использование мышьяковых

лигатур, употребление втульчатых насадов на копьях, долотах, крюках, морфологические характеристики ножей, топоров и других орудий. Заимствования практически не коснулись гарнитура украшений. Но в керамике начинают преобладать сосуды с ребристым профилем, появляются кубки, изменяется стилистика орнаментации, в которой большую роль играют рельефные орнаменты, в том числе налепные шишечки и валики.

Рассматриваемые памятники демонстрируют наиболее высокую степень сходства с рядом абашевских некрополей в лесостепном Приуралье, такими как Тугаевский, Русско-Тангировский (Горбунов В. С., 1986), III Красногорский, Береговский (Пряхин А. Д., Горбунов В. С., 1979, с. 73-95), II Ахмеровский (Васюткин С. М. и др., 1985, с. 75-77), Набережный (Горбунов В. С. и др., 1989, с. 17-23). Особенно рельефно это проявляется в системе погребальной обрядности, гончарных традициях, металлообработке, ювелирном деле. О. В. Кузьмина на основе всестороннего анализа абашевских древностей Поволжья и Приуралья убедительно показала динамику этого культурного явления. Указанные памятники, она относит к числу самых поздних, синхронных Турбинскому могильнику, и имеющих заметные отличия от абашевских памятников классического этапа в Приуралье. Этим же временем, по мнению автора, датируются клады абашевской культуры, в том числе происходящие с территории Южного Урала: Верхне-Кизильский, Москательникова, у Долгой горы (Кузьмина О. В., 1999, с. 190-197; 2000, с. 74, 75, 99, 100). Вероятно, синхронным абашевским памятникам Оренбуржья является и Юмаковский могильник в Южной Башкирии (Горбунов В. С., Иванов В. А., 1992, с. 218-219, рис. 6).

Исчерпывающая характеристика абашевских памятников Приуралья уже содержится в работах исследователей (Горбунов В. С., 1986; 1992; Кузьмина О. В., 1999; 2000). Несомненно, абашевские могильники и поселения в степном Приуралье неразрывно связаны с памятниками, локализующимися в лесостепных районах Башкирии, и представляют одно культурное образование. Значимость новых данных состоит в том, что теперь уверенно можно говорить о расширении ареала абашевской культуры Приуралья на позднем этапе в южном направлении в степные районы, вплоть до р. Урал. Здесь наиболее отчетливо фиксируются контакты с позднекатакомбной культурной группой.

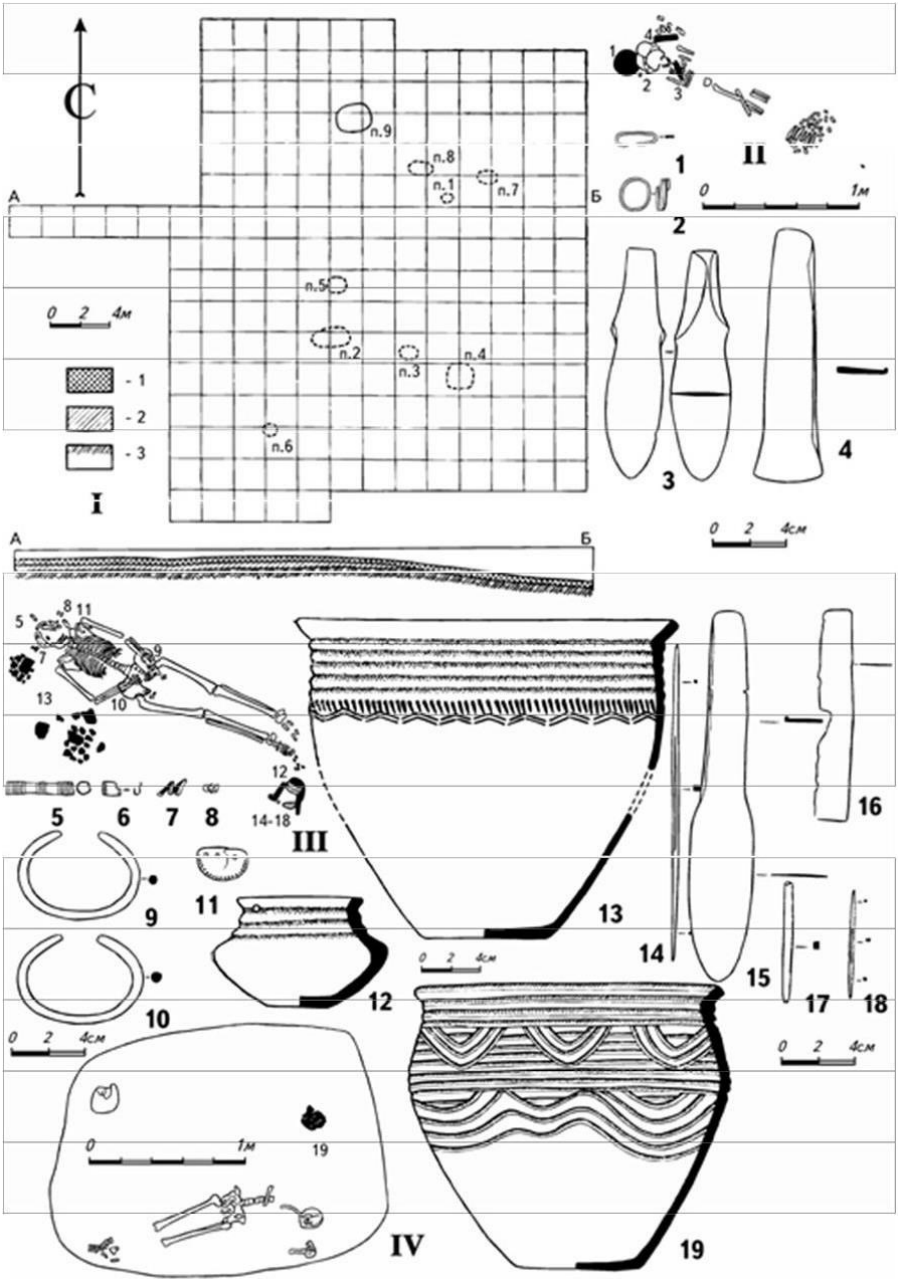


Рис. 4. Абашевская культура.

Материалы могильника у Никифоровского лесничества: I – план и профиль раскопа: 1 – темно-серый песок, 2 – светло-серый песок, 3 – желтый песок; II – план погребения 7; 1-4 – инвентарь из погребения 7; III – план погребения 2; 5-18 – инвентарь из погребения 2; IV – план погребения 9; 19 – сосуд из погребения 9. 1-11, 14-18 – бронза, 12, 13, 19 – керамика.

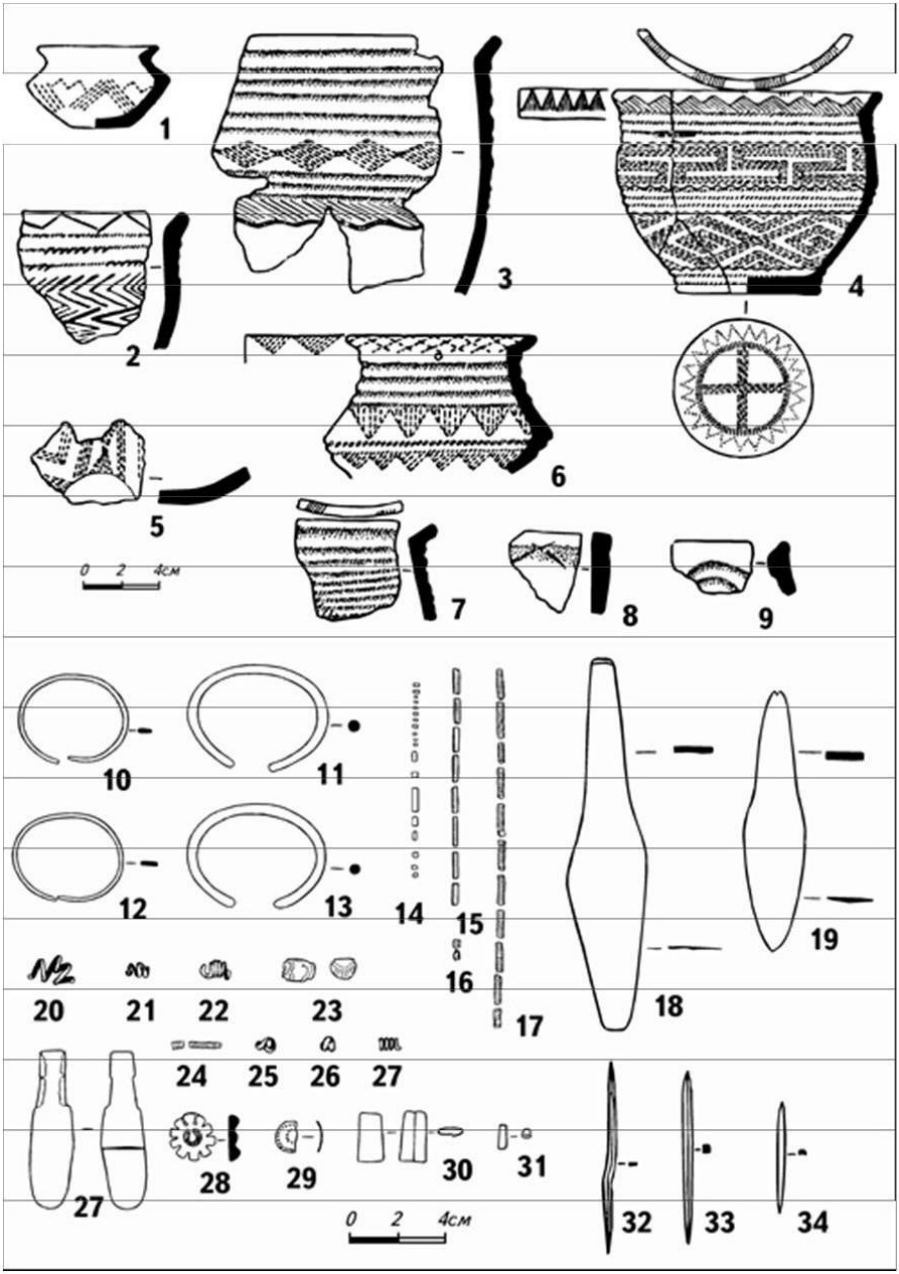


Рис. 5. Абашевская культура.

Инвентарь из могильника у Никифоровского лесничества: 1-9 – керамика, 1013, 15-34 – бронза, 14 – серебро.

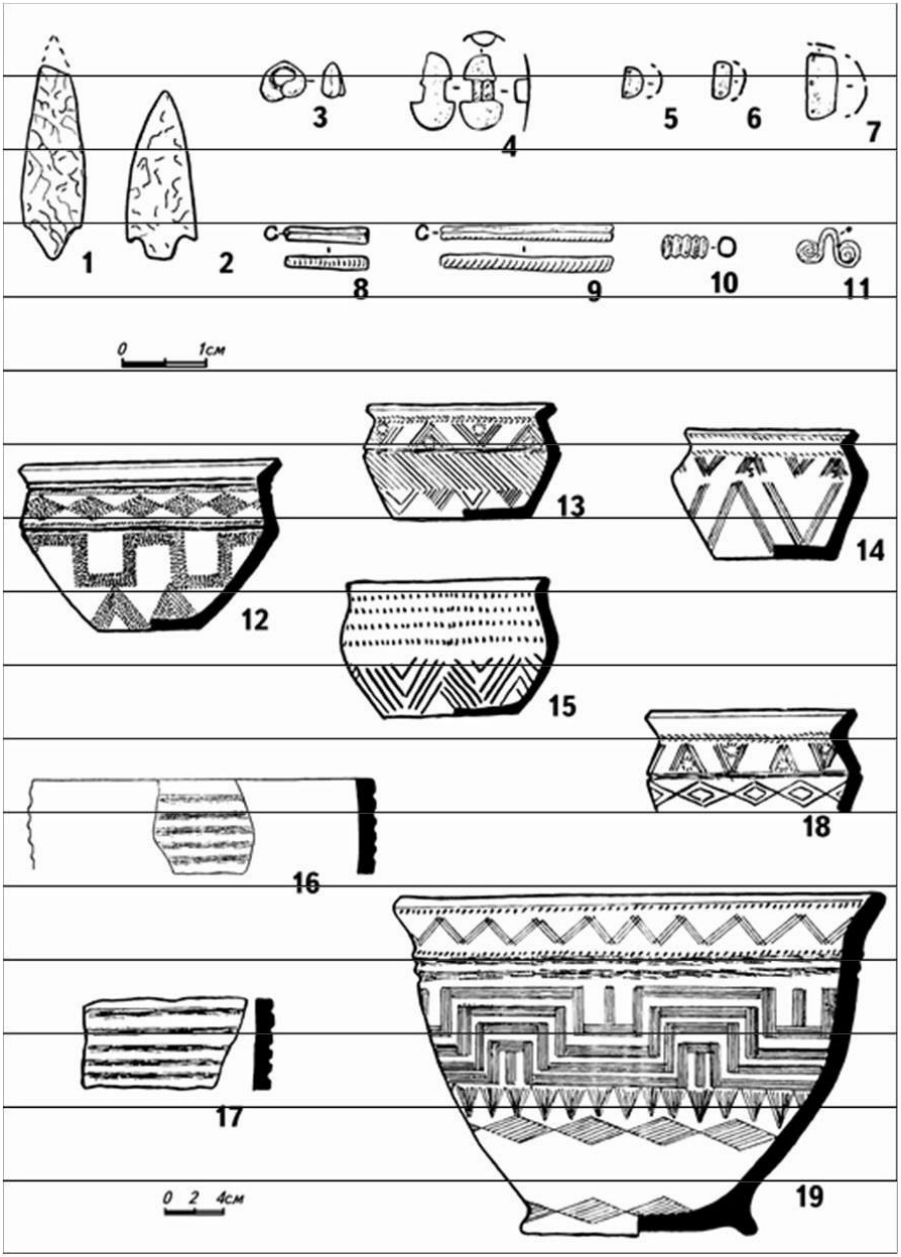


Рис. 6. Абашевская культура.

Инвентарь из могильника Ибрагимово III: 1, 4-7, 9-11 – курган 1; 3, 8 – курган 2, погребение 2; 12-15 – курган 2, погребение 1; 18, 19 – курган 3, погребение 2; 2, 16, 17 – курган 4. 1, 2 – камень, 3 – золото, 4-11 – бронза, серебро, 12-19 – керамика.

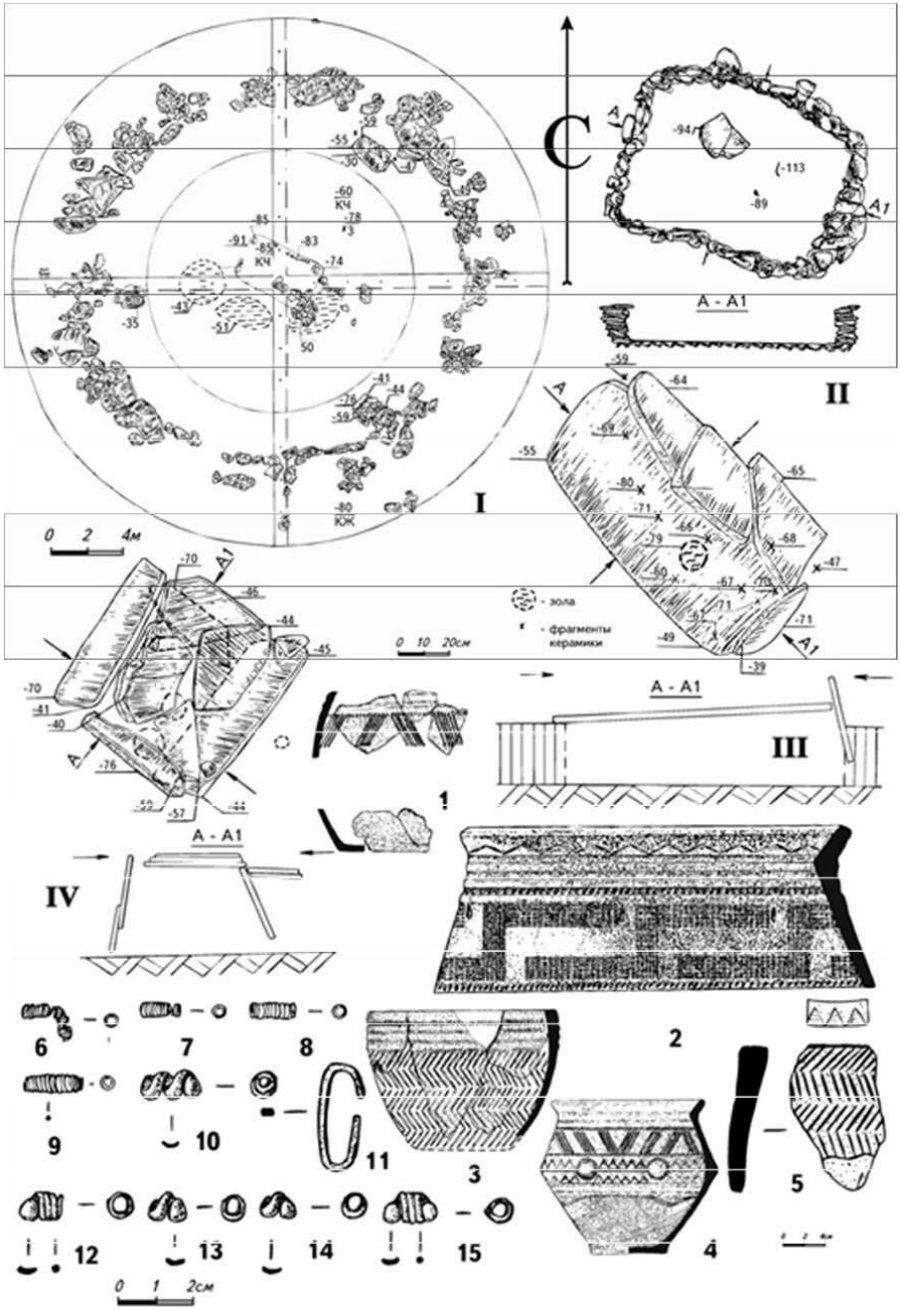


Рис. 7. Абашевская культура.

Материалы могильника Белозерка I: I – план кургана 2; II – план погребения из кургана 9; III – план каменного ящика 1 из кургана 4; IV – план каменного ящика 2 из кургана 4; 1-15 – инвентарь из могильника: 1-5 – керамика, 6-15 – бронза.

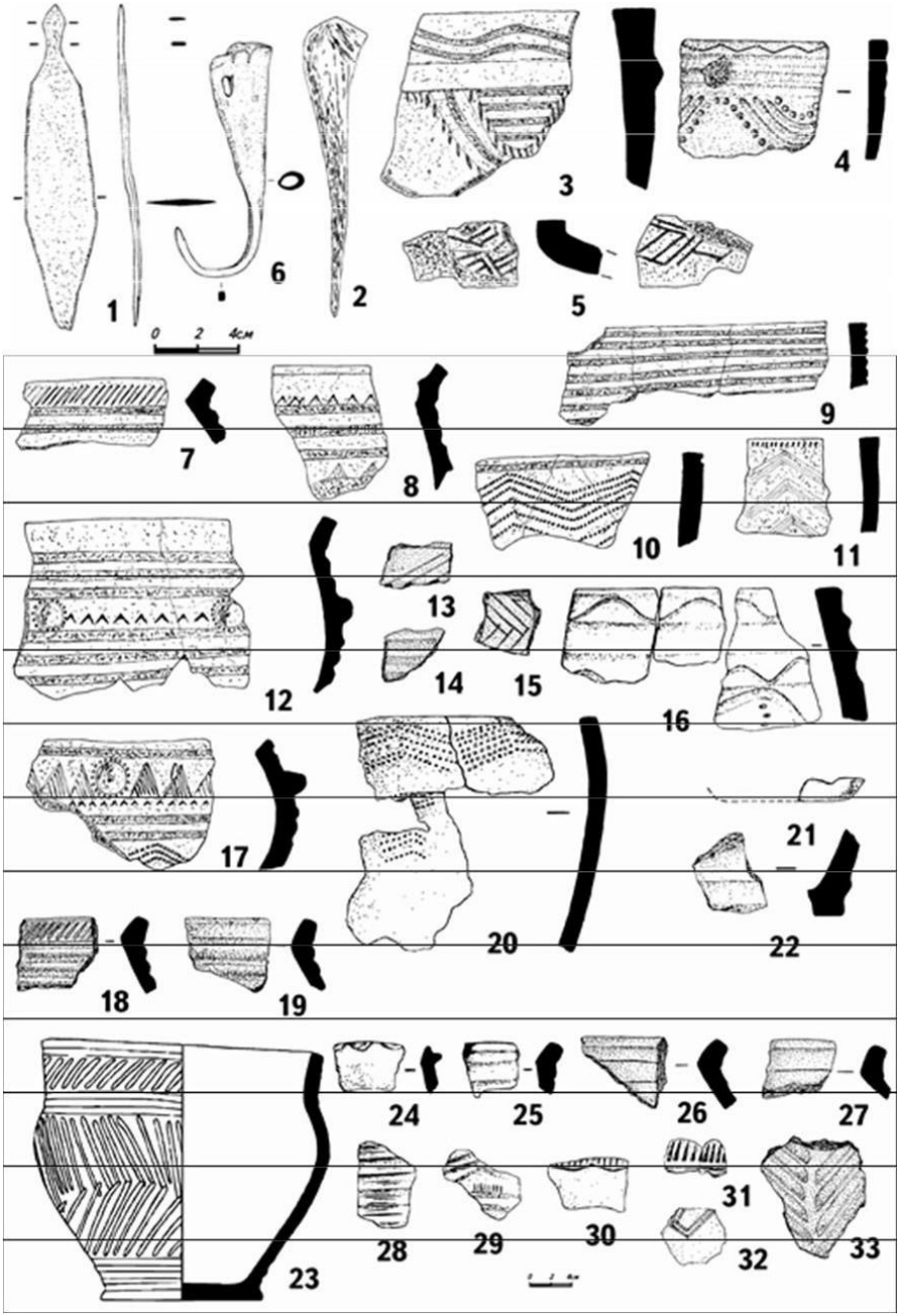


Рис. 8. Абашевская культура.

Инвентарь из могильника у горы Березовой: 1, 6 – бронза, 2 – кость, 3-5, 7-33 – керамика.

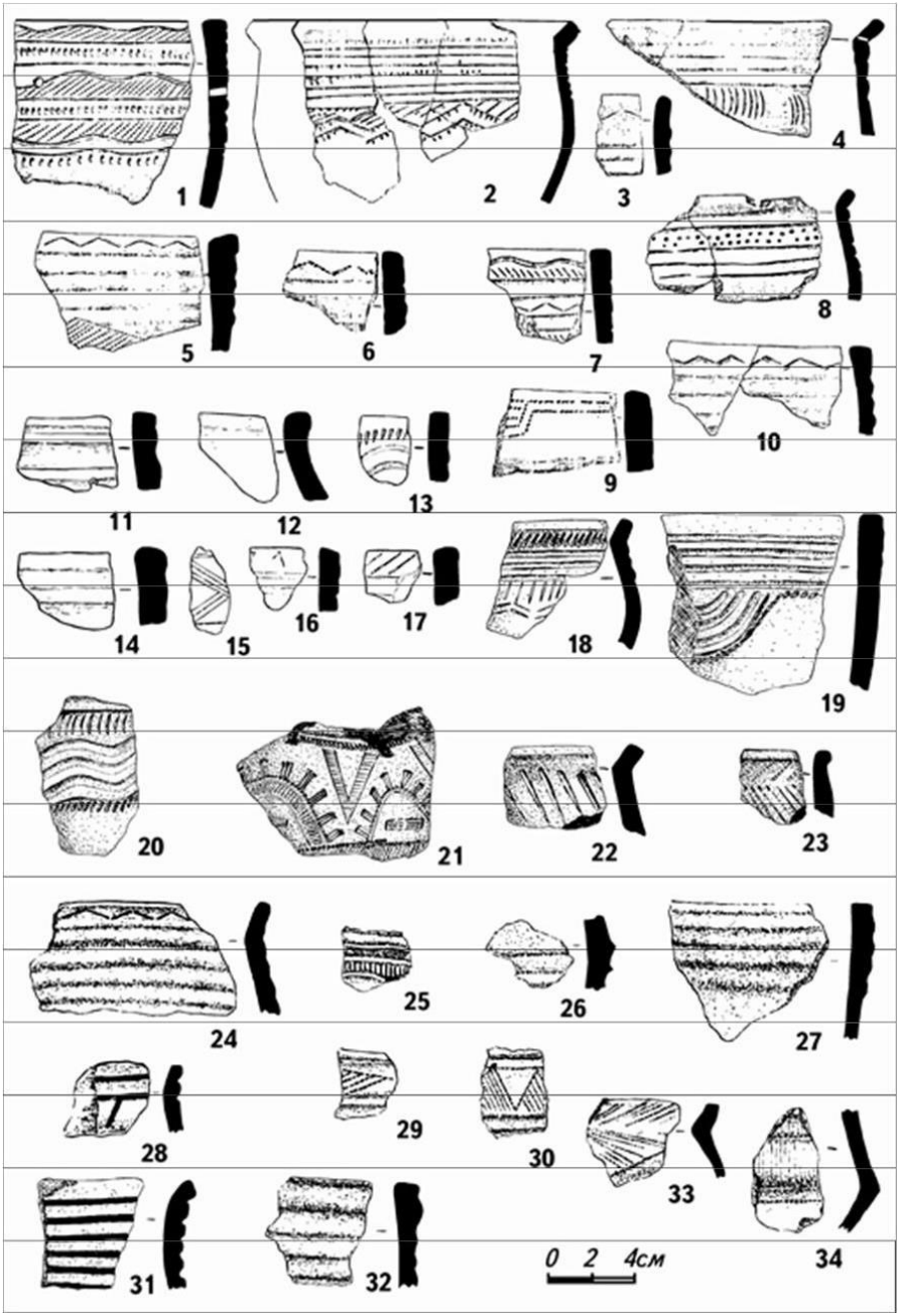


Рис. 9. Абашевская культура.

Керамика из поселений: 1-10 – Родниковое; 11-17 – Карьяпово; 18-23 – Буланово II; 24-34 – Ивановка I.

ГЛАВА III
ПОЗДНЕКАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА

Памятники СБВ в степном Приуралье, связанные своим происхождением с миром степных скотоводов, из-за своей малочисленности до сих пор воспринимаются как некая недифференцированная совокупность. К настоящему моменту можно констатировать два основных подхода к их интерпретации.

В силу устойчивой историографической традиции, удивительно жизнеспособной остается концепция полтавкинской культурноисторической общности, в русле которой памятники СБВ в регионе рассматриваются в рамках приуральской полтавкинской культуры. В целом, историография полтавкинской проблемы получила подробное освещение в ряде работ (Мельник В. И., 1990, с. 103-107; Кузнецов П. Ф., 1991, с. 3-5). Поэтому сосредоточимся лишь на вопросах культурной атрибутики памятников СБВ в Приуралье.

Впервые границы, выделенной к тому времени на материалах Нижнего Поволжья, полтавкинской культуры отодвинул до Приуралья К. В. Сальников (1962, с. 49), основываясь на данных, полученных в результате исследования II Мало-Кизыльского могильника. С инициативой изменения таксономического ранга «полтавкинских» древностей региона выступил И. Б. Васильев (1979, с. 49), предложив рассматривать их как потенциальную культуру, являющуюся составной частью полтавкинской КИО. Это положение было с энтузиазмом воспринято Н. К. Качаловой (1983, с. 12, табл. 4, 12), наиболее последовательной сторонницей полтавкинской концепции. В законченном виде полтавкинская КИО представлена в специальной работе П. Ф. Кузнецова, где сделана попытка систематизации приуральских памятников СБВ, которым отведено значительное место в исследовании (Кузнецов П. Ф., 1989, с. 25-29).

Нужно заметить, что указанные научные положения подверглись серьезной и вполне обоснованной критике со стороны целого ряда исследователей, что особенно рельефно проявилось в ходе развернувшейся полемики на страницах журнала «Советская археология» (Шилов В. П., 1991; Моргунова Н. Л., 1991). Тем не менее, в своей последней работе Н. К. Качалова вновь пытается обосновать полтавкинскую атрибуцию серии погребальных комплексов Приуралья. При этом даже

выделяет три хронологических этапа, хотя и возвращается к старой таксономии, определяя эту группу памятников как приуральский вариант полтавкинской культуры (Качалова Н. К., 2001, с. 49-51, рис. 6). По-прежнему, полтавкинскими объявляются не только памятники СБВ в Приуралье, но даже срубные погребения из Новой Белогорки и алакульские – из Хабарного I (Качалова Н. К., 2001, рис. 6, 3, 13, 14).

Другой точки зрения по вопросу о культурной принадлежности памятников СБВ в степном Приуралье придерживаются Н. Л. Моргунова и А. Ю. Кравцов. Они полагают, что погребальные комплексы полтавкинского времени в регионе являются результатом эволюции древнеямной культуры и должны рассматриваться в рамках ее третьего этапа, сохраняя ведущий комплекс стереотипов без скольконибудь заметного инокультурного влияния (Моргунова Н. Л., 1991, с. 123-130; 2001, с. 98; Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47-48; 1994, с. 83-86, рис. 31; 32; Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1991, с. 135-136). Если первоначально авторы пытались как-то дифференцировать в хронологическом отношения погребения СБВ в Приуралье, сопоставляя отдельные из них с третьей хронологической группой древнеямной культуры (по Н. Я. Мерперту) и со стадиями полтавкинской культуры (по Н. К. Качаловой и И. Б. Васильеву) (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47, 48), то позже упростили схему, в результате чего в перечень памятников заключительного этапа ямной культуры Приуралья попали разновременные и даже разнокультурные комплексы (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, рис. 32). Столь обобщенное восприятие материалов СБВ подвигло исследователей к постулированию тезиса об участии позднеямного населения Приуралья в генезисе синташтинских древностей рубежа эпох средней и поздней бронзы (Моргунова Н. Л., 2001, с. 98; Виноградов Н. Б., 1995, с. 25; Зданович Г. Б., 1997, с. 61; Логвин В. Н., 1995, с. 94).

По мере накопления источников становилось все более очевидным, что курганные захоронения СБВ в степном Приуралье отнюдь не гомогенны, что обусловлено хронологическими различиями и культурной неоднородностью. Новые данные со всей очевидностью демонстрировали существенные отклонения от строгих канонов древнеямной погребальной обрядности, появилась возможность хронологического размежевания и культурной идентификации погребальных комплексов СБВ (Бытковский О. Ф., Ткачев В. В., 1996; Халяпин М. В., 1999; Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000, с. 33-36). Наиболее архаичная утевско-жаман-каргалинская культурная группа СБВ в Волго-Уралье

(Богданов С. В., 2004), видимо, действительно формируется на позднеямной основе. Культурная трансформация, приведшая к смене комплекса стереотипов, стимулировалась импульсом из Предкавказья, а также активизацией связей с лесными культурами (Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000, с. 32-35; Ткачев В. В., 2000, с. 4043). Хронологически данная культурная группа (раннеполтавкинская по И. Б. Васильеву (1979, с. 29-34)) относится к преддонецкому времени и синхронизируется с памятниками второго периода позднеямного – раннекатакомбного времени Нижнего Дона (по А. В. Кияшко (1999а, с. 79-81)), третьим этапом новотиторовской культуры (по А. В. Гею (2000, с. 99-106)) или предкатакомбной культурной группой (по В. А. Трифонову (1991а, с. 123-131)) Прикубанья. Судя по материалам погребения из Воздвиженки (Ткачев В. В., 2000, с. 42, рис. 4, 1-5), имело место и непосредственное проникновение отдельных катакомбных групп, но уже в раннедонецкое время. Об этом свидетельствуют находки изделий, находящих аналогии, например, в Калмыкии в комплексах горизонта С (по В. А. Сафронову), а также в преддонецких (по А. М. Смирнову).

Однако с такой оценкой культурно-хронологической позиции памятников начала СБВ в степном Приуралье согласны далеко не все исследователи. Это касается не только концепций полтавкинской и позднеямной принадлежности обсуждаемой группы памятников, но и нового подхода А. В. Кияшко (2002), который существенно омолаживает приуральские комплексы эпох ранней и средней бронзы, относя некрополи начального СБВ в регионе к привольненскому этапу.

Однако, даже не вдаваясь в дискуссию по поводу хронологической позиции и культурной атрибуции древностей начала СБВ на интересующей нас территории, следует констатировать, что памятники позднего периода СБВ отчетливо демонстрируют отсутствие прямой генетической связи не только с позднеямной культурой Приуралья, но и с указанной культурной группой начала СБВ (Богданов С. В., 1998, с. 22; 1999, с. 24; Ткачев В. В., 2000, с. 44-46). Между тем именно культурная группа заключительного этапа СБВ непосредственно предшествует синташтинским древностям в регионе. Поэтому определение культурной принадлежности и хронологической позиции этих, пока еще немногочисленных, памятников имеет принципиальное значение. Интересующие нас материалы представлены погребальными комплексами из 13 некрополей, а также небольшой коллекцией находок на Турганикской энеолитической стоянке. Памятники достаточно равномерно

распределяются по всей территории степного Приуралья, однако можно выделить четыре района их локализации. Одна группа памятников связана с бассейном р. Самары, остальные относятся к разветвленной системе притоков р. Урала (рис. 1). Северо-западная группа включает могильники Медведка на левобережье р. Самары, Ефимовка IV, расположенный на ее левом притоке – реке Бузулуке, и материалы Турганикской стоянки на реке Ток, правом притоке р. Самары (рис. 1). Наиболее многочисленная группа некрополей сосредоточена в среднем течении р. Урала, преимущественно, на его правых притоках – реках Иртек (Болдырево I, Шумаево II) и Кинделя (Хутор Барышников, Герасимовский II). К этой же группе тяготеет Кардаиловский I могильник на левобережье р. Урала (рис. 1). Самыми южными из исследованных на сегодняшний день памятников позднекатакомбной культурной группы являются могильники Покровка VIII, Илекшар I, Восточно-Курайли I, Танаберген II и Учебный полигон, приуроченные к притокам реки Илек – рекам Хобда, Танаберген, Жаксы-Каргала (рис. 1). На востоке ареала, в излучине р. Урала, раскопаны еще два могильника: Новокумакский в черте г. Орска и Новотроицкий I близ г. Новотроицка (рис. 1).

Таким образом, в степном Приуралье может быть выделена достаточно представительная группа погребальных комплексов заключительного этапа СБВ, составляющая северо-восточную периферию ареала степных скотоводческих культур. Уточнить их место в системе относительной хронологии позволяют стратиграфические данные. В большинстве случаев описанные захоронения являлись впускными в курганы древнеямной культуры (Покровка VIII, Хутор Барышников, Шумаевский II, Ефимовка IV, Танаберген II, возможно, Медведка, Болдырево I, Восточно-Курайли I, Герасимовский II, Илекшар I, 6). При этом особенно важно отметить надежно задокументированный факт большого хронологического разрыва (видимо, несколько веков) между позднеямным и позднекатакомбным погребениями в могильнике Ефимовка IV. О реальных масштабах хронологической лакуны, отделяющей ямную культуру от культурной группы конца СБВ, свидетельствуют стратиграфические наблюдения в могильниках Танаберген II и Новотроицкий I. Здесь впускные позднекатакомбные могилы следовали за погребениями утевско-жаман-каргалинской культурной группы (по С. В. Богданову (2004)) начального периода СБВ (раннеполтавкинской по И. Б. Васильеву (1979)). Генезис последней связан с трансформацией позднеямной культуры, стимулировавшейся юго-западным импульсом. Как уже

говорилось выше, хронологически данная культурная группа относится к преддонецкому времени и синхронизируется с памятниками второго периода позднеямного – раннекатакомбного времени Нижнего Дона (по А. В. Кияшко (1999)), 3-м этапом новотиторовской культуры (по А. В. Гею (2000)) или предкатакомбной культурной группой (по В. А. Трифонову (1991)) Прикубанья, а также ранним этапом северокавказской культуры (Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000, с. 35; Ткачев В. В., 2000, с. 39-43, рис. 3; 4). Пока нет объективных данных о том, смыкаются ли во времени указанные культурные образования различных этапов СБВ в Приуралье. Однако их различия настолько очевидны, что позволили С. В. Богданову предположить дискретный, прерывистый характер функционирования степных культур Заволжья и Приуралья (Богданов С. В., 1998, с. 22).

Так или иначе, нужно констатировать, что представленные в нашей выборке комплексы следует вынести за рамки 3-го этапа древнеямной культуры Приуралья в трактовке Н. Л. Моргуновой (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991; 1994). Сделать это необходимо, прежде всего, по причине существенного хронологического разрыва между ними, так как «классическая» древнеямная культура в регионе сходит с исторической арены уже в середине III тыс. до н. э. (Богданов С. В., 1999, с. 24). Некоторую преемственность с ней демонстрируют лишь памятники СБВ-1 (преддонецкого, раннеполтавкинского времени), безусловно, предшествующие позднекатакомбной культурной группе (СБВ-2). Кстати, в первых публикациях исследователи древнеямной культуры Приуралья относили некоторые из этих комплексов, например, погребение из Медведки, к позднеполтавкинскому времени, хотя и настаивали на их ямной атрибуции (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 48). В то же время Н. К. Качалова попрежнему считала погребение из Медведки раннеполтавкинским (Качалова Н. К., 2001, с. 49-50; рис. 6).

Для определения верхней хронологической границы позднекатакомбной культурной группы в регионе принципиальное значение имеет стратиграфическая ситуация в кургане 25 Новокумакского могильника, где основные погребения позднекатакомбной культурной группы перекрываются синташтинскими захоронениями (рис. 69). На это обстоятельство обратили внимание еще авторы первой публикации (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977, с. 18). По непонятным причинам, этот факт затем долгое время игнорировался, и погребения бронзового века из 25 кургана Новокумакского могильника воспринимались

не дифференцировано. Лишь недавно В. В. Отрощенко и автор настоящего исследования практически одновременно предложили вернуться к первоначальной интерпретации этого комплекса как стратифицированного (Отрощенко В. В., 2000, с. 66, 67; Ткачев В. В., 2000, с. 44). Еще одним памятником, где можно опереться на стратиграфические данные, является могильник Танаберген II. В кургане 1 этого некрополя самый поздний стратиграфический горизонт функционирования насыпи в эпоху бронзы связан с серией впускных захоронений петровского этапа алакульской культуры. Раннеалакульские погребения образовывали два кольца вокруг центральной могилы, перекрывавшей захоронение конца СБВ. В кургане 7 данного могильника такие же раннеалакульские погребения с идентичной планиграфией были впущены в насыпь над синташтинским некрополем, включавшим 17 захоронений.

Исходя из приведенных наблюдений, необходимо признать, что погребения позднекатакомбной культурной группы в курганах степного Приуралья занимают промежуточную стратиграфическую позицию между захоронениями утевско-жаман-каргалинской культурной группы (СБВ-1) (раннеполтавкинской по И. Б. Васильеву или ямной 3-го этапа по Н. Л. Моргуновой) и синташтинской (ПБВ-1) культуры, что позволяет рассматривать их в рамках позднего периода эпохи средней бронзы (СБВ-2). Эти данные имеют большое значение для определения места абашевских древностей в системе относительной хронологии. Объективные свидетельства взаимодействия лесостепного абашевского населения со степными группами позднекатакомбного облика указывают на их синхронность, и дают основания для их отнесения к предсинташтинскому времени.

Определившись с хронологической позицией погребений конца СБВ в степном Приуралье, обратимся к вопросу об их культурной атрибуции, для чего следует дать обобщенную характеристику особенностей обряда и материального комплекса. Топографическая приуроченность рассматриваемых захоронений ничем не отличается от традиционного для культурных образований эпохи бронзы расположения некрополей на первых надпойменных террасах или на останцах в поймах рек. Не случайно, все погребения позднекатакомбной культурной группы выявлены в могильниках бронзового века. Более того, подавляющее большинство из них впущено в насыпи предшествующего времени. О характере надмогильных сооружений судить сложно, опять-таки по причине впускного характера захоронений. При этом лишь однажды в кургане 2

могильника Ефимовка IV удалось зафиксировать досыпку, для сооружения которой был вырыт неглубокий кольцевой ровик по периметру первичной насыпи. В трех случаях отмечены собственные насыпи над погребениями позднекатакомбной культурной группы. В кургане 25 Новокумакского могильника насыпь не превышала 20 м в диаметре и 1,0 м высотой, и была окружена прерывающимся ровиком. Столь же незначительными размерами характеризуется первоначальная насыпь над основным погребением Илекшар I, 5/3. Впрочем этот комплекс можно рассматривать в качестве кенотафа либо оригинального кургана-святилища.

Грандиозная в сравнении со скромными стандартами конца СБВ насыпь была сооружена над погребением 3 в кургане 1 Кардаиловского I могильника. Ее диаметр составлял 46 м, высота – 2,0 м (Моргунова Н. Л., 1996, с. 11, рис. 7, 1). Монументальность надмогильного сооружения дополняется неординарным характером самого погребального комплекса, представлявшего собой кенотаф. Очень крупная могильная яма со сложной ступенчатой конструкцией имела неординарную структуру засыпи с многочисленными прослойками (Моргунова Н. Л., 1996, с. 11-12, рис. 7, 3, 4). Вообще, курган 1 из Кардаиловского I могильника весьма близок по своим параметрам надмогильным конструкциям начала СБВ, как впрочем, и экстраординарная погребальная камера основного погребения. В остальных случаях размеры и конструктивные детали курганов определялись погребальными канонами ямного или постъямного времени.

Отличительной особенностью культурной группы конца СБВ в степном Приуралье является традиция совершения впускных захоронений. Заметим, что данная традиция абсолютно не типична для древнеямной погребальной обрядности в регионе. Еще менее характерна она для погребальных стандартов начала СБВ. В то же время, в культурах катакомбного круга впускные погребения превалируют над основными. Это касается даже престижных захоронений. Случаи сооружения собственной насыпи над катакомбными могилами исключительно редки, в лучшем случае устроители ритуалов ограничивались досыпками.

Еще более отчетливо катакомбные черты усматриваются в конструкциях некоторых могильных ям. В погребении 14 из 25 кургана Новокумакского могильника отмечен подбой вдоль длинной стенки входной ямы, отделенный от нее ступенькой на дне. Вход в погребальную камеру заложен каменными плитами (рис. 10, III). Погребение Новотроицкий I, 4/3 совершено в катакомбе или глубоком подбое со ступеньками в торцевой

стенке камеры и у входа в нее. Входная шахта округлой формы (рис. 11, I). Все эти признаки являются диагностирующими для катакомбных культур. Хотя нужно отметить пережиточный характер камерных гробниц, представленных самой простой формой катакомбы – подбоем. В этой связи, любопытна точка зрения А. В. Кияшко, который полагает, что существовала некая семантическая оппозиция подбоев и катакомб (Кияшко А. В., 1998, с. 17). Однако в нашем случае такой подход вряд ли уместен, учитывая другие составляющие позднекатакомбной культурной группы. Не могут подбойные погребения Приуралья расцениваться и как воспроизведение чужеродной традиции в ямной среде, как это предлагает делать П. Ф. Кузнецов (1990, с. 59-60), так как другие признаки погребального обряда жестко коррелируются с позднекатакомбными канонами. В ряде случаев контуры могил не удалось зафиксировать, но можно уверенно констатировать, что наиболее распространенными являлись прямоугольные ямы с закругленными углами. По крайней мере, в пяти погребениях отмечена именно такая форма могилы (рис. 10, IV; 71, I, II, V). Хотя есть и исключения, как, например, уникальная погребальная конструкция из Кардаиловского I могильника (Моргунова Н. Л., 1996, с. 11-12, рис. 7, 3, 4). Однако и в этом случае нужно отметить, что кенотафы являются одним из самых популярных особых видов погребений в катакомбных культурах, особенно в предкавказской (Мельник В. А., 1991, с. 45-55; Шишлина Н. И., 2000, с. 41-42), и почти не известны в древнеямных курганах. Как правило, могильные ямы ориентированы по линии СВ-ЮЗ, хотя присутствуют широтная и меридиональная ориентации.

Не менее зримо катакомбные традиции проявляются и в способах ингумации. Три раза отмечено положение костяков скорченно на правом боку (Шумаево II, 3/2, Учебный полигон, раскоп III, п. 3, Новотроицкий I, 4/3). Примечательно, что для этих захоронений характерна сильная степень скорченности. При этом правая рука может быть протянута к коленям и даже зажата между бедренными костями, а левая согнута в локте и вытянута вдоль тела, располагаться кистью у подбородка или лежать поперек туловища (рис. 11, I, II; 71, I). Правобочность большинства костяков в позднеямных и утевско-жаманкаргалинских захоронениях Приуралья, казалось бы, сближает их с обсуждаемыми погребениями заключительного периода СБВ. Но этим и исчерпывается сходство. Дело в том, что погребения ямной культуры в скорченном положении на правом боку чрезвычайно стандартны. С. В. Богданов выделяет две разновидности таких захоронений, объединяемых в рамках 2 ОГ.

В мужских погребениях кисти рук локализуются в районе паха, в женских – левая рука протянута к правой. Причем такая поза придавалась до наступления стадии трупного окоченения еще в положении на спине, а фиксация конечностей осуществлялась посредством волосяных пут (Богданов С. В., 1999, с. 13; 2004).

В погребениях начального этапа СБВ Приуралья основным каноном становится слабоскорченное положение на правом боку с разворотом на спину (Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000, рис. 7, 1; 9, 1; Ткачев В. В., 2000, рис. 3, 8, 12). Примечательно, что практически идентичные по характеру ингумации захоронения известны в Прикубанье (Бочкарев В. С. и др., 1991, с. 39, 40, рис. 43) и Ставрополье (Березкин Я. Б., Калмыков А. А., 1998, с. 60, 61, рис. 11). Подобные погребения рассматриваются исследователями в рамках 3-го этапа новотиторовской культуры (Гей А. Н., 2000) или предкатакомбной культурной группы Прикубанья (Трифонов В. А., 1991а, с. 123-131). По ряду характеристик они тождественны погребениям второго периода позднеямного – катакомбного времени на Нижнем Дону (Кияшко А. В., 1999, с. 79-81).

Совершенно иную картину мы наблюдаем в погребениях заключительного периода СБВ в степном Приуралье. Положение погребенных скорченно на правом боку с руками, протянутыми к коленям, типично для катакомбной погребальной традиции. Но наиболее точные схождения по степени скорченности и вариативности расположения рук приуральские захоронения демонстрируют с позднекатакомбными и посткатакомбными, а также с ранними бабинскими (КМК) погребениями. По сути дела, между положением погребенных в скорченном положении на правом или левом боку нет никакой оппозиции. В Приуралье положение костяков скорченно на левом боку, безусловно, являлось приоритетным. Такая поза зафиксирована в девяти из двенадцати погребений, в которых установлено положение скелета. Степень скорченности ног варьирует от средней до сильной. Наибольшим разнообразием отличается положение рук. В четырех случаях погребенные лежали в «классической» позе адорации, то есть руки располагались перед лицом (Новокумакский, 25/12, 13, 14; Восточно-Курайли I, 1/1) (рис. 10, III, IV). В погребении 1 кургана 6 Шумаевского II могильника отмечена сходная поза, но руки размещались перед грудью, а ноги подтянуты коленями к локтям (рис. 12, IV). В парном детском захоронении Шумаевский II, 4/1 левые руки согнуты в локтях кистями перед лицом, а правые протянуты к коленям (рис. 12, II). В погребении Ефимовка IV, 2/1 наоборот левая рука вытянута к коленям, а правая – согнута в локте и прижата к груди

(рис. 12, V). Близкая поза зафиксирована в погребении Медведка, 7/1, с той лишь разницей, что согнутая в локте правая рука здесь уложена поперек туловища (рис. 10, I).

Соотношение погребений на левом и правом боку различной степени скорченности с характерным вариативным расположением верхних конечностей, отмеченное для погребальных комплексов конца СБВ в степном Приуралье, является надежным основанием для выяснения круга синхронных памятников с близкой культурной атрибуцией в степях Восточной Европы. В этом плане интересно отметить, что аналогичные новации в погребальной обрядности, связанные с переоформлением катакомбных культур на заключительной стадии СБВ, охватили обширные степные пространства от Азово-ДнепроДонецкого региона и Предкавказья до Волго-Уралья. Эти вопросы в последнее время привлекают особое внимание исследователей, так как они непосредственно связаны с проблемой культурогенеза ПБВ.

Практически идентичные способы обращения с телами умерших характерны для ранних погребений бабинской культуры (КМК) (Березанская С. С. и др., 1986, рис. 2; 5; 8; Полидович Ю. Б., 1993, рис. 16; 25; 50; Отрощенко В. В., 2001, мал. 11). Аналогичную картину мы наблюдаем на заключительном этапе среднедонской катакомбной культуры (Синюк А. Т., 1983, рис. 43; Матвеев Ю. П., 1980; 1998, рис. 1-4). Такие же изменения происходят в обряде позднекатакомбных культурных образований Прикубанья, относящихся к батуринскому варианту предкавказской катакомбной культуры (Трифонов В. А., 1991а, с. 156-157; 1991б, рис. 1) или к батуринской культуре (Гей А. Н., 1995, рис. 1; 2). В памятниках предкавказской (манычской) культуры, для которой наиболее типичным на развитом этапе было положение костяков на левом боку с руками, протянутыми к коленям или тазу, в этот период также появляются погребения в позе адорации. Немногочисленные, но очень выразительные серии погребальных комплексов такого рода выделены в Ставрополье (Андреева М. В., 1989, рис. 13, 2; 42, 1; Дервиз П. Г., 1989, рис. 9; 10; Братченко С. Н., 1995, рис. 12) и Калмыкии (Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1978, рис. 6, 6; 7, 5, 9; 9, 1; 1981, рис. 6, 2, 3; 13, 1; 15, 6; Мимоход Р. А., 2002, рис. 1; 2). Хотя по-прежнему присутствуют захоронения в традиционной позе на левом, иногда правом боку с протянутыми вниз руками, но нередко имеют место отклонения от этого стандарта, выражавшиеся в размещении одной руки перед грудью или поперек туловища. На примыкающей с севера к ареалу предкавказской культуры территории Волго-Донского междуречья

сформировался своеобразный вариант катакомбной культуры, которая на заключительном этапе демонстрирует те же тенденции, что и другие культурные образования катакомбной общности (Мельник В. И., 1989, с. 131-132; Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995, с. 60, рис. 5; Кияшко А. В., 1996, с. 2223; 2002). И, наконец, на сопредельной со степным Приуральем территории Нижнего Поволжья Э. С. Шарафутдиновой недавно выделена группа погребений конца СБВ, которую она связывает «…с восточной частью катакомбного мира в период завершения его распада» (Шарафутдинова Э. С., 2001, с. 152). Показательно, что указанная группа захоронений характеризуется тем же набором признаков погребального обряда (там же, с. 149, табл. 1; 2), что и перечисленные позднекатакомбные или производные от них (Бабино) культурные образования, включая позднекатакомбную культурную группу в степном Приуралье.

Заметим также, что повсеместно в пределах очерченной территории, в том числе и в Приуралье, финально-катакомбные погребения совершены в ямах или подбоях с весьма неустойчивой ориентировкой. В исключительных случаях отмечены катакомбы, опять-таки крайне невыразительные. В большинстве своем данные захоронения являются впускными, причем нередко занимают более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к развитым катакомбным. Хотя есть и основные погребения. Также как и в памятниках Приуралья в отдельных захоронениях, но далеко не во всех, присутствует локальная окраска костяков охрой, иногда фиксируется использование огня и мела в погребальных ритуалах, известны органические подстилки на дне могил, имеют место кенотафы. Что касается других обрядовых признаков, связанных с погребальными церемониями, вызывает особый интерес жертвенный комплекс из кургана 6 Шумаевского II могильника. Здесь расчищен полный скелет овцы в сопровождении глиняного сосуда (рис. 12, III, 3). Этот своеобразный ритуал отмечен С. И. Берестеневым у племен катакомбной общности, и, по мнению автора, может трактоваться как принесение персонифицированной жертвы конкретному божеству посвященного ему животного (Берестенев С. И. и др., 1996, с. 216). Вполне типичным для катакомбной погребальной обрядности является и превалирование костей МРС в составе жертвенных комплексов, характерное и для погребений конца СБВ в Приуралье.

Не противоречит предлагаемой культурно-хронологической интерпретации рассматриваемой группы захоронений степного Приуралья и вещевой инвентарь, происходящий из погребений. К сожалению, он не многочисленный, и представлен,

преимущественно керамикой. Для посуды позднекатакомбной культурной группы в регионе характерна примесь толченой раковины в тесте. С точки зрения морфологических характеристик, коллекция распадается на две неравные в количественном отношении группы: горшки и банки.

Горшечные формы преобладают, при этом отличаются заметным разнообразием, хотя и являющимся лишь следствием модификации исходных типов. Основная часть коллекции представлена короткошейными горшками. Главными дифференцирующими признаками выступают соотношения наибольшего диаметра тулова к высоте сосуда и диаметру устья. По этим показателям выделяются сосуды с раздутым туловом (рис. 10, 1, 5) и горшки стройных пропорций (рис. 12, 3, 5-8). С последними сближаются горшечно-баночные сосуды, имеющие закрытую форму и отогнутую наружу горловину (рис. 11, 1, 2). Своеобразной разновидностью короткошейных горшков с раздутым туловом, обычно имеющих закраину в придонной части, служат кубкообразные сосуды, которые отличаются только наличием поддона (рис. 12, 1, 2). Шейка и тулово на сосудах указанных типов могут иметь плавное или уступчатое сочленение. В коллекции присутствуют остроребериый горшок (рис. 10, 8) и фрагменты венчика крупного горшечно-баночного или раструбошейного сосуда с прямой горловиной (рис. 8, 5, 6). Яркой особенностью керамической серии из погребений позднекатакомбной культурной группы в регионе является наличие реповидных горшков со сложно профилированным отогнутым наружу нависающим венчиком (рис. 11, 4, 7). Единственная «классическая» банка имеет закрытую форму и небольшую закраину у дна (рис. 11, 3). В целом, она практически копирует профилировку горшков стройных пропорций, с той лишь разницей, что отсутствует дополнительная лента, образующая шейку.

Весьма показательна орнаментация посуды заключительного этапа СБВ в Приуралье. Достаточно широкое распространение получают елочные и геометрические мотивы. При этом «елка» может быть вертикальной или горизонтальной, в зависимости от направленности образующих ее многократно повторяющихся зигзагов (рис. 10, 5; 71, 3, 4). Зигзаги могут выступать и в качестве самостоятельного мотива. Геометрическая орнаментация не развита. Треугольники, всегда направленные вершинами вниз, преимущественно, образованы размашистыми зигзагами. Геометризм им придает достаточно разнообразная штриховка (рис. 12, 1, 2, 5, 7). В ряде случаев отпечатками штампа созданы мотивы, в основе которых лежат ромбическая сетка, паркетный

орнамент или ряды соприкасающихся ромбов (рис. 7, 5; 67, 1, 2). Не менее характерны горизонтальные и наклонные отпечатки штампа, волнистые линии, иногда заполненные горизонтальной штриховкой (рис. 10, 1, 2; 11, 1, 2, 5; 12, 7, 8). Особый колорит керамике позднекатакомбной культурной группы Приуралья придают различные насечки, наколы полой трубочки или уголка штампа, нередко создающие «бахрому» вокруг геометрических фигур, а также налепные валики, покрытые насечками или защипами. Орнамент наносился гребенчатым, веревочным или гладким штампом. Семантически значимой орнаментальной зоной являлась верхняя часть сосудов, но иногда орнаментом покрыта вся поверхность, включая дно (рис. 10, 5; 11, 2; 12, 8).

Безусловно, рассматриваемый керамический комплекс резко контрастирует с позднеямной посудой в регионе, и совершенно исключает возможность генетической связи с гончарными традициями ямной культуры. Зато позднекатакомбные черты проявляются довольно рельефно. Короткошейные горшки с раздутым туловом и стройных пропорций находят аналогии в памятниках позднего этапа донецкой катакомбной культуры (Смирнов А. М., 1996, рис. 43-46). В этой связи обращает на себя внимание удивительное сходство кубкообразных сосудов из погребения 1 кургана 4 Шумаевского II могильника (рис. 12, 1, 2) с позднедонецкими кубками. Однако наиболее близкие соответствия рассматриваемая керамика из Приуралья находит в выделенной А. М. Смирновым (там же, 87-99, рис. 39-41) группе погребений с керамикой с елочной орнаментацией, активно контактирующей с донецкой катакомбной культурой. Большинство таких захоронений совершалось в ямах, иногда со ступенчатыми конструкциями. Данная культурная группа, по мнению А. М. Смирнова, локализуется к востоку и северо-востоку от Подонцовья, складывается на основе ямной, но относится к катакомбной КИО. Ее контакты с донецкой и среднедонской культурами не фиксируются в раннекатакомбное время (Смирнов А. М., 1996, с. 95, 98, 99). Есть аналогичные памятники в Нижнем Подонье (Гей А. Н., 1999а, с. 37). Сосуды данных типов сопоставимы с керамикой отделов II-А и II-Б по классификации С. Н. Братченко (1976, рис. 9).

Известны подобные формы в памятниках предкавказской (манычской) катакомбной культуры (Андреева М. В., 1989, рис. 4, IV; 16, II-2; 23, III). Аналогичная керамика происходит из катакомбных памятников волго-донской культуры, также как и кубкообразные сосуды (Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995, рис. 5; Кияшко А. В., 2002, рис. 9, 69). Показательно, что убедительные соответствия мы находим не только в

морфологических характеристиках сосудов, но также в орнаментации и технике ее нанесения.

Важно отметить, что именно эти формы привлекаются Н. К. Качаловой для обоснования культурного своеобразия полтавкинских древностей Волго-Уралья, при этом к числу диагностирующих признаков автором относится наличие уступчика при переходе от тулова к шейке сосудов (Качалова Н. К., 1967, рис. 4; 2001, рис. 1; 2; 4; 5; 6). Но уступчатое сочленение тулова с шейкой сосудов отнюдь не в меньшей степени характерно и для всех культур катакомбного круга от Поднепровья до Волго-Уралья, и даже для северокавказской культуры. Не случайно М. А. Турецкий, проанализировав нижневолжские комплексы СБВ, отметил многочисленные аналогии в катакомбных памятниках Среднего и Нижнего Дона, и предложил закрепить термин «полтавкинская культура» за поздней группой захоронений, входившей, по мнению автора, в более широкий круг катакомбных культур (Турецкий М. А., 1992, с. 72, 73).

Вообще, территория Нижнего Поволжья, особенно ВолгоДонского междуречья представляется весьма перспективной с точки зрения выяснения исходного района миграции позднекатакомбного населения в приуральские степи. Дело в том, что в этом районе в последние годы выявлен значительный массив катакомбных памятников (Лопатин В. А., Якубовский Г. Л., 1993; Тихонов В. В., 1996; Ляхов С. В., 1996; Баринов Д. Г., 1996; Дремов И. И., 1996; Мамонтов В. И., 1997; Тименков Д. М., 1997; Ляхов С. В., Матюхин А. Д., 1992; Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995), которые А. В. Кияшко (2002) объединяет в рамках волго-донской катакомбной культуры. Есть такие памятники и в Заволжье, на левых притоках – реках Большой Иргиз и Малый Иргиз, Чагра (Турецкий М. А., 1999, с. 135-140). Любопытно, что на позднем этапе исследователи отмечают вольсколбищенские, поздние манычские, донецкие и среднедонские катакомбные включения в керамическом комплексе и погребальном обряде, а также констатируют присутствие металлических изделий, типичных для северокавказской культуры (Мельник В. И., 1989, с. 131132; Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995, с. 60, рис. 5; Ляхов С. В., Матюхин А. Д., 1992, с. 122-123, рис. 11, 1; Кияшко А. В., 1996, с. 2223). Это обстоятельство, безусловно, сближает их с памятниками позднекатакомбной культурной группы Приуралья.

Особый интерес в этом плане представляют малочисленные, но очень выразительные находки реповидных сосудов в степном Приуралье. Реповидные сосуды из погребений Кардаилово I, 1/3 и Покровка VIII, 1/12 (рис. 11, 4, 7) в Приуралье, с учетом

характера оформления венчика и особенностей декора, включавшего, в том числе расчесы и налепные валики, могут быть отнесены к отделу II-Д по классификации С. Н. Братченко (1976, рис. 9). Такая керамика является доминирующим типом посуды в памятниках манычского типа в Предкавказье и может выступать в качестве своего рода культурного индикатора. Вообще нужно отметить, что позднекатакомбные группы населения, оставившие памятники манычского типа, отличались наибольшим динамизмом и тенденцией к разнонаправленной культурной интеграции. В это время они появляются на Нижнем и Среднем Дону, Северном Кавказе, в Приазовье и Поднепровье, вплоть до Буго-Днестровского междуречья, участвуют в формировании позднекатакомбной батуринской культуры в Прикубанье (Трифонов В. А., 1991б, с. 109). Исследователи отмечают активное воздействие манычских племен на северокавказское население, в частности в Ставрополье и Верхнем Прикубанье (Археология, 1994, с. 272), что, в конечном итоге, привело к вытеснению последнего из предгорий в более труднодоступные высокогорные районы. Примечательно, что в погребениях манычского типа, даже в Поднепровье, наряду с реповидной керамикой, встречаются и короткошейные сосуды с уступчиком, украшенные тесьмой (Марина З. П., Фещенко Е. Л., 1989, с. 52-54, рис. 2, 3), находящие прямые аналогии в Приуралье (Ефимовка IV) (рис. 12, 8) и Нижнем Поволжье (Политотдельское) (Качалова Н. К., 2001, рис. 2, 16). На Нижней Волге и в Северном Прикаспии, то есть в зоне, непосредственно примыкающей к степному Приуралью, известны и собственно реповидные сосуды, например, в Быковских курганах (Смирнов К. Ф., 1960, с. 193, 239), в Досанге и Тау-Тюбе (Васильев И. Б. и др., 1986, рис. 11).

Материалы из погребальных памятников манычского облика в Приуралье могут быть дополнены небольшой коллекцией находок бронзового века с Турганикской энеолитической стоянки в Красногвардейском районе Оренбургской области (рис. 1). По мнению Н. Л. Моргуновой, керамика и металлические изделия эпохи бронзы с этого памятника составляют пласт доабашевского времени в лесостепном Заволжье и Приуралье (Моргунова Н. Л., 1984, с. 60). С. В. Богданов обратил внимание на незначительную в количественном отношении, но чрезвычайно важную с точки зрения культурной идентификации группу керамики и серию находок из металла, камня и кости, вероятно, имеющую прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Речь идет о фрагментах сосудов закрытой баночной формы (рис. 13, 13, 15), горшков с цилиндрической шейкой (рис. 13, 12) и реповидного сосуда (рис. 13, 11). Керамика орнаментирована горизонтальными и

наклонными оттисками перевитого шнура, за исключением реповидного горшка, лишенного декора. Аналогии данной посуде не выходят за рамки очерченного выше круга позднекатакомбных памятников манычского типа. Уточнить культурно-хронологическую позицию комплекса эпохи бронзы с Турганикской стоянки позволяет ряд других предметов, видимо, связанных с указанной керамикой.

В коллекции присутствуют два кремневых наконечника стрел с глубокой выемкой в основании, образующей шипы (рис. 13, 6, 7). Еще один такой наконечник был найден краеведом В. В. Дудиным на развеваемой дюне около пос. Привольное в Илецком районе Оренбургской области (рис. 13, 5). Шипастые наконечники стрел с выемкой в основании являются неотъемлемым атрибутом катакомбного комплекта вооружения, в том числе и на позднем этапе существования катакомбных культур. Известны они и в памятниках бабинской культуры. С точки зрения синхронизации позднекатакомбной культурной группы с абашевской культурой большое значение имеют находки наконечников с глубокой выемкой в основании в абашевских памятниках Приуралья (Горбунов В. С., 1986, с. 49; Васюткин С. М. и др., 1985, с. 74).

Меньше определенности в вопросе о принадлежности черешковых наконечников стрел с Турганикской стоянки (рис. 13, 8-10) к эпохе бронзы. Заметим лишь, что черешковые наконечники изредка встречаются в позднекатакомбных памятниках (Николова А. В., Бунятян Е. П., 1991, рис. 3, 17, 18). К тому же один из экземпляров имеет вытянутые пропорции (рис. 13, 8), что является поздним хронологическим показателем (Кузьмина О. В., 1992, с. 70-71). По этому параметру данный наконечник сближается с изделиями, типичными для абашевской культуры, но отсутствие шипов делает такое сопоставление достаточно проблематичным.

Костяное колечко с выступами (рис. 13, 4) имеет близкую аналогию в погребении манычского типа у пос. Ливенцовка в Нижнем Подонье (Братченко С. Н., 1976, рис. 13, III-9). Рельефные детали поделки, по сути дела, воспроизводят в кости конструктивные особенности фаянсовых бородавчатых бус, типичных для финальнокатакомбных и бабинских (КМК) памятников. Медные изделия невыразительны. Прямоугольный в сечении миниатюрный стержень и обоюдоострое четырехгранное шило (рис. 13, 1, 3) имеют широкий диапазон бытования, и поэтому малоинформативны. Нож, обломок которого обнаружен на поселении, имел округлое окончание черенка покатые плечики при переходе к лезвию (рис. 13, 2). На относительно позднюю

дату медных изделий с Турганикской стоянки указывает то обстоятельство, что предметы изготовлены из металла групп МП и ТК. Если хронологический разброс изделий из группы МП достаточно велик, начиная с раннего этапа древнеямной культуры (РБВ-1), то металл группы ТК распространяется в Приуралье только с абашевского времени (Черных Е. Н., 1970, с. 28).

Вообще, основные черты предкавказской (манычской) культуры выкристаллизовываются достаточно рано, еще в период расцвета катакомбных культур. Но наибольшая активность манычского населения приходится на конец СБВ. Достаточно представительная серия манычских погребений в различных районах катакомбного ареала синхронизируется с перечисленными выше финально-катакомбными и посткатакомбными группами. Основанием для этого служат находки самых ранних круглых костяных пряжек с большим центральным отверстием, бородавчатых фаянсовых бус, брусковидных каменных оселков с желобком для привязывания и некоторых других категорий инвентаря. Число таких комплексов растет с каждым годом (Андреева М. В., 1989, рис. 13, 2; 42, 1; Дервиз П. Г., 1989, рис. 9; 10; Братченко С. Н., 1995, рис. 12; 2; Парусимов И. Н., 1997, рис. 16; 1999, рис. 33; 40; Жеребилов С. Е., 2001, табл. 1, 8, 9; Мимоход Р. А., 2002, рис. 1). Приуральские памятники с реповидной керамикой манычского типа, вероятно, тоже относятся к этому времени. Вспомним, в этой связи, находку фрагментов реповидного сосуда и бронзовых ножа и крюка катакомбного облика в абашевском могильнике у горы Березовой (рис. 8, 1, 5, 6). Показательно также распространение в регионе в конце СБВ рельефной орнаментации керамики налепными валиками и шишечками, что соответствует стандартам этого времени.

Применительно к материалам Приуралья, к сожалению, долгое время приходилось констатировать отсутствие такого рода надежных хронологических реперов в инвентаре. Можно было опереться лишь на описанные выше кремневые шипастые наконечники стрел с глубокой выемкой в основании, костяное колечко с умбонами (Турганикская стоянка), типичные для комплексов позднекатакомбного времени. То же самое можно сказать о находках костяных трубочек и деревянной чашечки из погребения Медведка, 7/1 (рис. 10, 4). Семантика этих предметов в данном захоронении, вероятно, близка той, которая реконструируется для катакомбной и бабинской (КМК) погребальной обрядности, где, например, находки деревянной посуды исследователи связывают с погребениями служителей

культа (Ковалева И. Ф., 1989, с. 27-28). А. Н. Усачук в специальной работе, посвященной анализу костяных трубочек (флейт Пана) из памятников энеолита – бронзового века Юго-Восточной Европы, приводит сводку такого рода изделий, широко представленных, в том числе в катакомбных погребениях (Усачук А. Н., 1999, с. 75).

Однако новейшие материалы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане позволяют окончательно снять проблему недостаточной репрезентативности источников. Комплекс металлических изделий из кургана 5 этого могильника органично сочетает в себе традиции позднекатакомбной (с северокавказскими репликами) и позднеабашевской металлообработки (рис. 14, 1-7), что однозначно указывает не только на синхронность этих культурных образований, но и свидетельствует о наличии устойчивых контактов между ними в предсинташтинское время.

Все предметы можно уверенно отнести к четвертому костромскому периоду развития кавказской металлургии и связать с позднекатакомбной культурной группой степного Приуралья, составлявшей, вероятно, северо-восточную периферию волго-донской культуры. Листовидные ножи из обсуждаемого комплекса характеризуются наличием относительно архаичных признаков, присущих изделиям этой категории на привольненском этапе развития кавказской металлургии (Кияшко А. В., 2002, с. 27, рис. 7, 13, 14; 67, 10), но расширение нижней части клинка на одном из экземпляров (рис. 14, 2) сближает его с так называемыми «карасями» костромского периода (там же, с. 27-28, рис. 8, 14). Однако в данном случае для нас интересна конструктивная особенность в виде раскованной пятки черенка, имеющей ромбическую форму (рис. 14, 1). Таким же образом оформлены аналогичные детали на описанном экземпляре из могильника у горы Березовой (рис. 8, 1), а также на ноже из кургана 6 могильника Илекшар I (рис. 14, 11). Змеевидная головка или ромбическая пятка черенка выступает в качестве своеобразного этнографического маркера абашевской культуры. Следует отметить, что нож из кургана 6 могильника Илекшар I характеризуется также вытянутой формой клинка (рис. 14, 11), что станет стандартным для ножей с намечающимся перекрестием и ромбической пяткой черенка, являющихся диагностирующей категорией находок абашевских памятников Приуралья. Кстати, в этом же комплексе обнаружены кремневые черешковые наконечники стрел вытянутых пропорций, сопоставимые с абашевскими (рис. 14, 9, 10) (Кузьмина О. В., 1992, с. 64-65, табл. 44, 45).

Столь же выразительно о предлагаемой культурнохронологической интерпретации илекшарского комплекса свидетельствует находка бронзового тесла. Оно имеет узкую пятку, плавно расширяющиеся грани и раскованную секировидную лезвийную часть (рис. 14, 6). Эти конструктивные детали однозначно указывают на полное типологическое тождество с теслами костромского этапа (Кияшко А. В., 2002, с. 27, рис. 28, 11). Уместно также отметить, что идентичные орудия маркируют комплексы позднего этапа северокавказской культуры. Вполне вписываются в стандарты позднекатакомбной металлообработки находки массивных четырехгранных шильев, лишенных утолщения-упора (рис. 14, 2). Это же можно сказать о подвеске в два с половиной оборота с заходящимися концами (рис. 14, 5). В связи с этой находкой следует обратить внимание, что в отличие от катакомбных предметов данного типа, всегда изготавливавшихся из округлого в сечении или уплощенного прута, илекшарские украшения можно отнести к категории желобчатых, хотя сам желобок трактуется достаточно невыразительно. Примечательно, что именно желобчатые подвески в полтора или два с половиной оборота широко представлены в абашевском гарнитуре украшений (Кузьмина О. В., 2000, рис. 3; Халяпин М. В., 2000, рис. 10, 5-9). Отчетливые северокавказские параллели демонстрирует подвеска в виде несомкнутого колечка с приостренными концами, обломок которой обнаружен в кургане 5 могильника Илекшар I (рис. 14, 4). Такого рода изделия являются своеобразной «визитной карточкой» гарнитура украшений северокавказской культуры, начиная с раннего этапа (Археология, 1994, табл. 79, 31, 32; Кореневский С. Н., 1990, с. 53, рис. 42, 2).

И, наконец, особого внимания заслуживает наконечник дротика из кургана 6 могильника Илекшар I (рис. 14, 7). Подобно описанным выше предметам он органично сочетает в себе черты, присущие позднекатакомбной и абашевской металлообработке. Соотношение длинной раскованной втулки и короткого пера соответствует пропорциям абашевских копий верхне-кизильского типа (Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989, с. 64, 65, рис. 24; Кузьмина О. В., 2000, с. 9092, рис. 9, 1; 21, 2), а также сближает илекшарский экземпляр с наконечником копья из погребения позднего этапа волго-донской катакомбной культуры Сторожевка 1/3 (Ляхов С. В., 1996, рис. 2; Кияшко А. В., 2002, табл. XXXIII, 2). Однако в отличие от упомянутых изделий, перо на илекшарском экземпляре имеет не ромбическое, а линзовидное сечение как у пластинчатых ножей. Это характерно для особой разновидности абашевских копий, изготовленных из кованой пластины с

открытой сверху втулкой (Кузьмина О. В., 2000, с. 91, рис. 20). В то же время, форма пера воспроизводит конфигурацию клинка листовидного ножа, но абрис приближается к ромбическим очертаниям, что является каноничным для всех известных абашевских и катакомбных копий. Чрезвычайно показательно присутствие в нижней части пера нераскованного лишенного заточки участка стержня, что составляет характерную особенность катакомбной металлообработки, на что обратила внимание О. В. Кузьмина (2000, с. 90).

Резюмируя вышеизложенное, нужно признать, что особенности погребального обряда и вещевой инвентарь из памятников заключительного этапа СБВ совершенно определенно указывают на распространение в этот период в степном Приуралье позднекатакомбной атрибутики. Изменения в материальной культуре и системе погребальной обрядности носили взрывной характер, что свидетельствует о миграционном характере формирования позднекатакомбной культурной группы Приуралья. Имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении материалы не позволяют установить исходный район миграции. Отсутствие жестких стандартов в погребальной практике и синкретизм материального комплекса позволяют лишь говорить о юго-западном импульсе и связывать генезис позднекатакомбной культурной группы в степном Приуралье с широким кругом катакомбных культур Подонья и Предкавказья. Но наибольшие схождения с приуральскими материалами демонстрируют, пожалуй, катакомбные памятники Волго-Донского междуречья, где отмечена та же комбинация культурных составляющих, связанных с воздействием поздней донецкой, среднедонской и предкавказской (манычской) катакомбных культур (Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995, с. 60, рис. 5). Картографирование памятников позднекатакомбной культурной группы Приуралья позволяет предполагать, что один из основных миграционных маршрутов связан не только с главной водной артерией в регионе – р. Волгой, но и с долиной р. Урал и разветвленной системой его притоков (рис. 1).

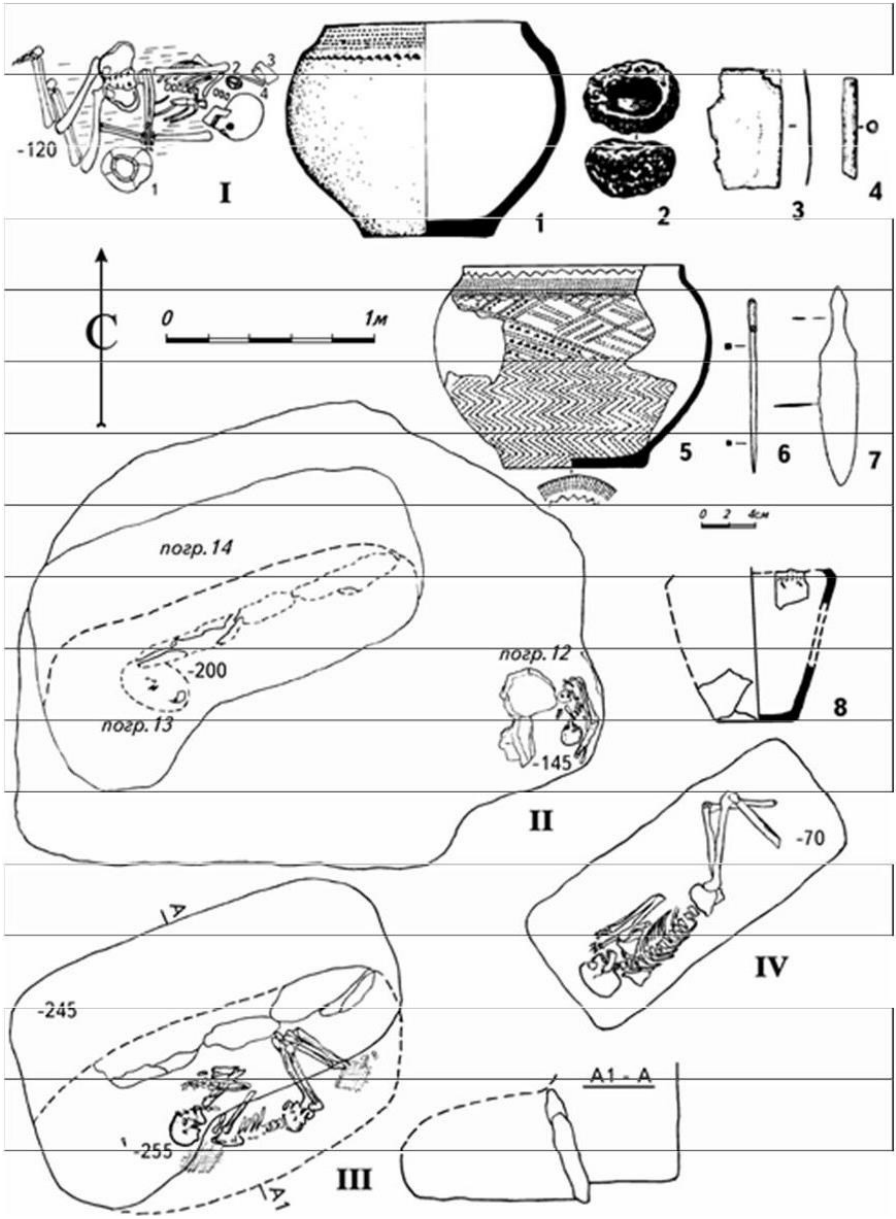


Рис. 10. Позднекатакомбная культурная группа.

I – могильник Медведка, к.7 п.1 (план); 1-4 – инвентарь из погребения Медведка, 7/1: 1 – керамика, 2 – железистая конкреция, 3 – бронза, 4 – кость; II – план погребений 12, 13, 14 в кургане 25 Новокумакского могильника; III – план и разрез погребения 14 в кургане 25 Новокумакского могильника; IV – план погребения 1 в кургане 1 могильника Восточно-Курайли I; 5-7 – инвентарь из жертвенного комплекса (бофра) в кургане 6 могильника Герасимовский II: 5 – керамика, 6, 7 – бронза; 8 – сосуд из погребения 15б в кургане 1 могильника Танаберген II.

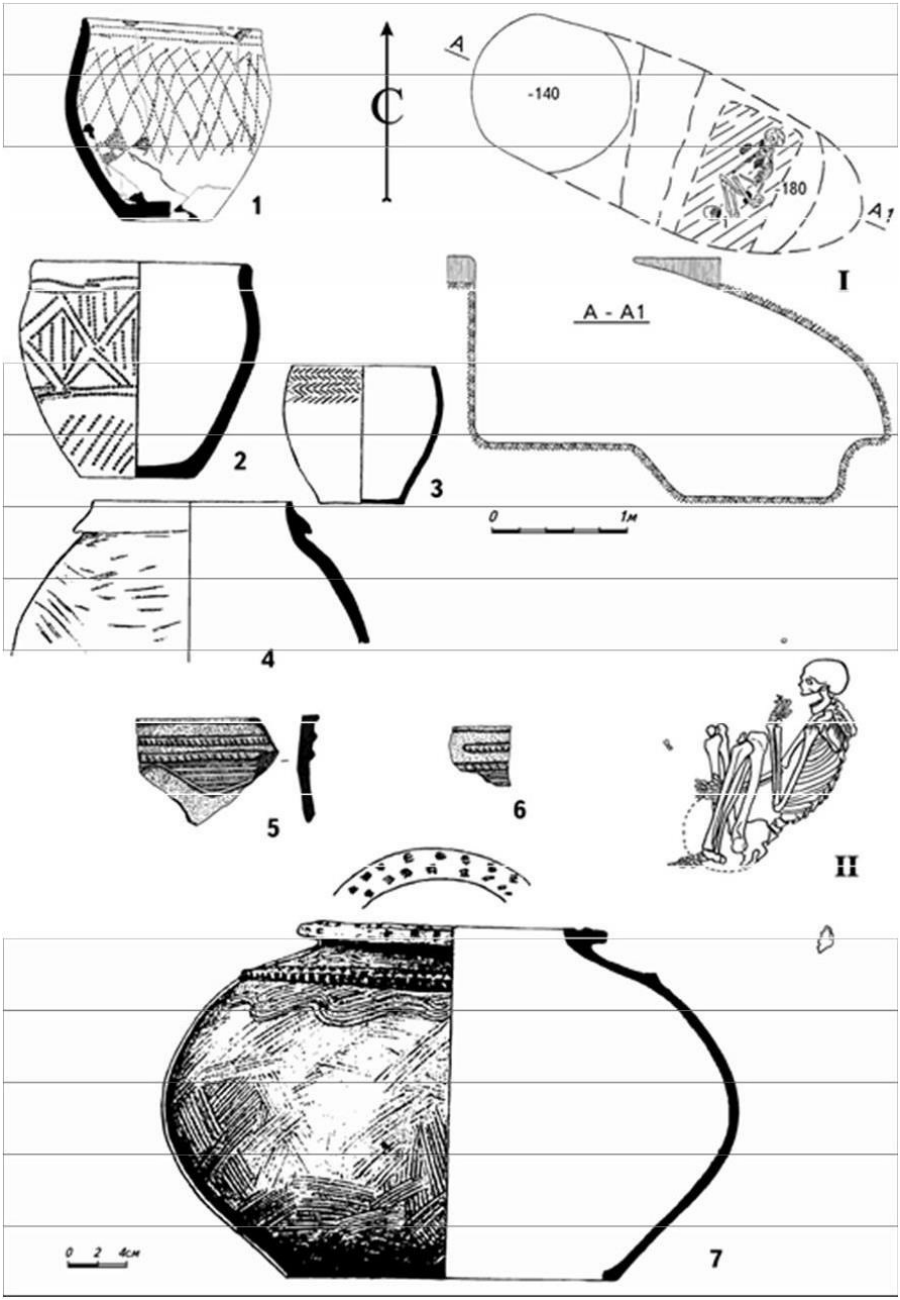


Рис. 11. Позднекатакомбная культурная группа.

I – план и разрез п.3 к.4 Новотроицкого I могильника; 1 – сосуд из п.3 к.4 Новотроицкого I могильника; 2-4 – керамика из п.12 к.1 могильника Покровка VIII; 5, 6 – фрагменты сосуда из могильника Учебный полигон; II – план п.3 из раскопа III могильника Учебный полигон; 7 – сосуд из п.3 к.1 могильника

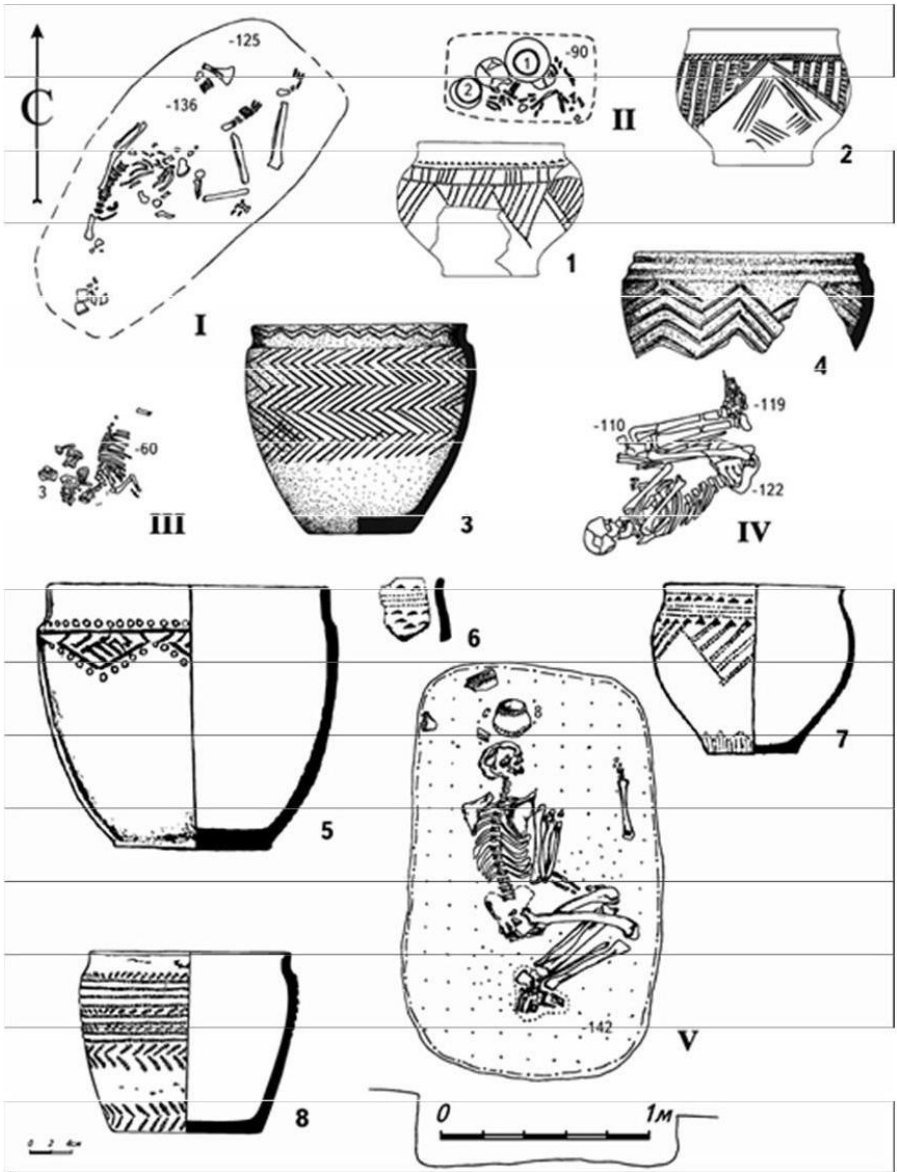


Рис. 12. Позднекатакомбная культурная группа.

I – могильник Шумаевский II, к.3, п.2 (план); II – могильник Шумаевский II, к.4, п.1 (план); 1, 2 – керамика из п.1, к.4, Шумаевского II могильника; III – жертвенный комплекс из к.6 Шумаевского II могильника (план); 3 – сосуд из жертвенного комплекса к.6 Шумаевского II могильника; 4 – сосуд из ямы во рву к.6 Шумаевского II могильника; IV – п.1 к.6 Шумаевского II могильника (план); 5 – сосуд из грабительского перекопа в п.1 к.6 могильника у хут. Барышникова; 6 – фрагмент сосуда с

поверхности к.6 могильника у хут. Барышникова; 7 – сосуд из засыпи погребения в к.2 могильника Болдырево I; V – могильник Ефимовка IV, к.2, п.1 (план); 8 – сосуд из п.1 к.2 могильника Ефимовка IV.

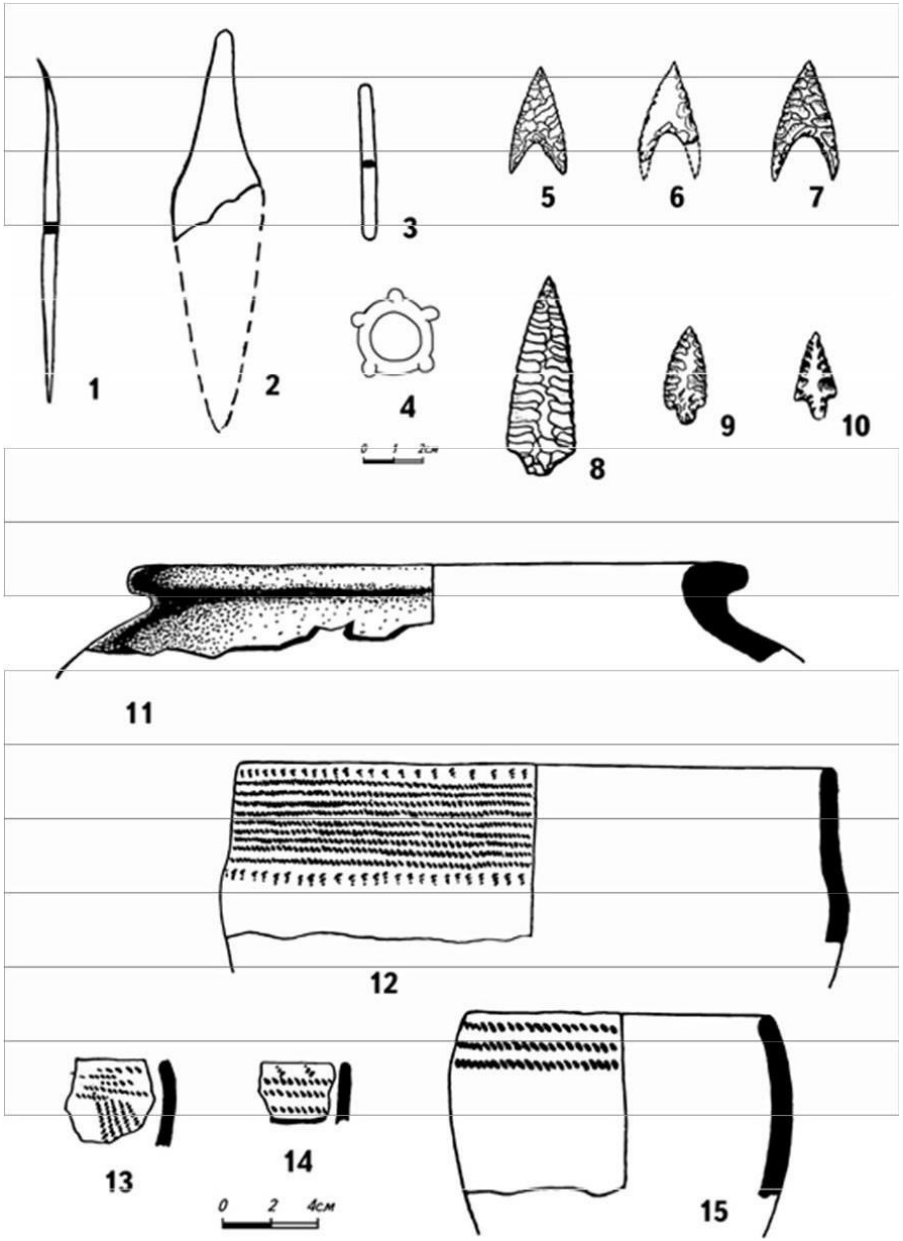


Рис. 13. Позднекатакомбная культурная группа.

Инвентарь с Турганикской стоянки (1-6, 8-15) и случайная находка у пос. Привольное в Илекском районе Оренбургской области: 1-3 – бронза, 4 – кость, 5-10 – кремень, 11-15 – керамика.

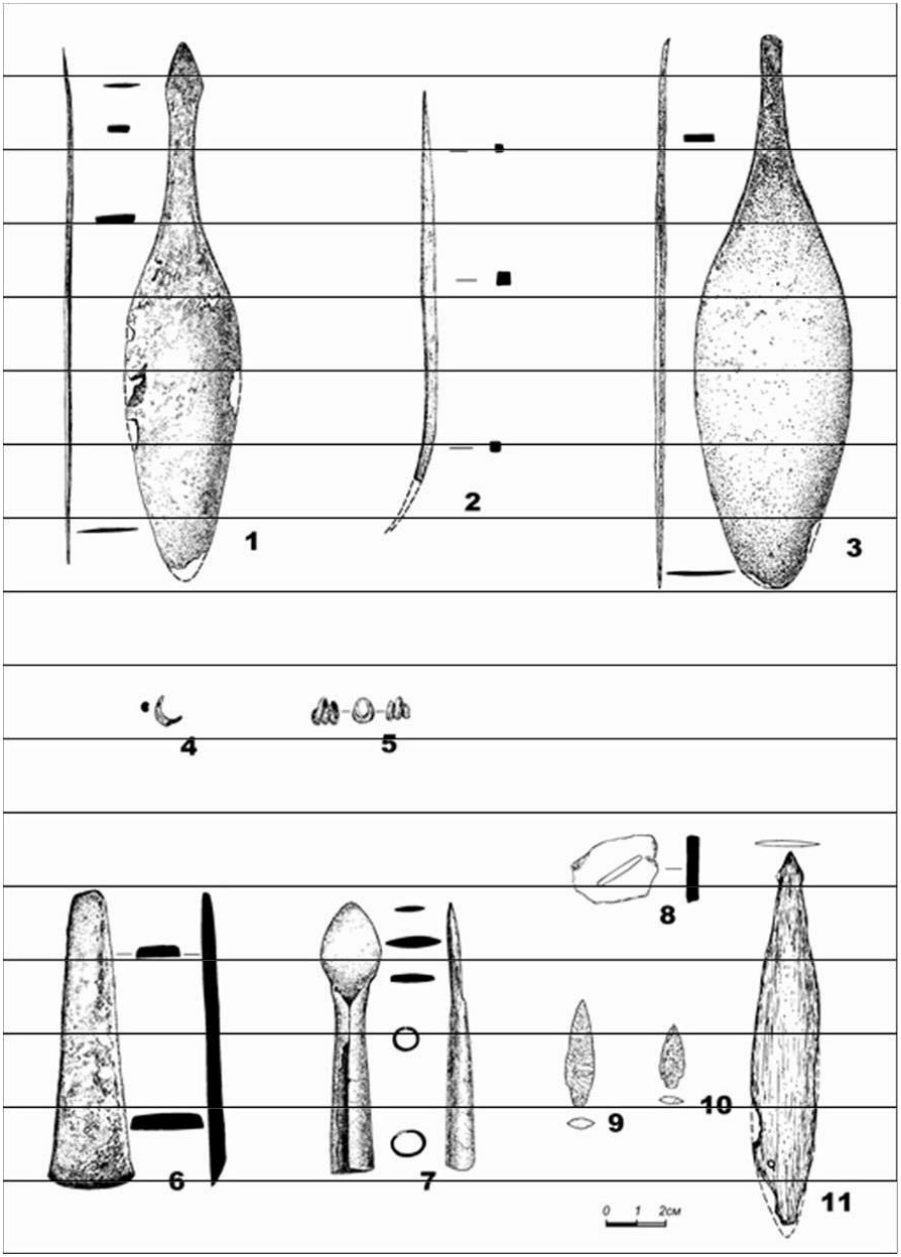


Рис. 14. Позднекатакомбная культурная группа.

1-7 – могильник Илекшар I, курган 5, погребение 3; 8-11 – могильник Илекшар I, курган 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что контакты позднеабашевского и позднекатакомбного населения в конце СБВ в степном Приуралье документируются весьма надежно. Однако, судя по имеющимся сведениям, эти взаимодействия какое-то время не приводили к культурной трансформации, а лишь способствовали формированию синкретических комплексов, которые сами по себе не способны были генерировать новое самодостаточное культурное явление. При этом неопределенной остается роль вольско-лбищенской культурной группы в культурогенетических процессах. По крайней мере, они оставили слабый след в материальной культуре последующей синташтинской культуры рубежа эпох средней и поздней бронзы.

То же самое можно сказать и о так называемом восточном компоненте в синташтинском материальном комплексе, на который ссылаются авторы (Зданович Г. Б., 1997, с. 61; Виноградов Н. Б., 2001, с. 191), но, к сожалению, не приводят конкретных аргументов в пользу этого. Такие реминисценции, наследуемые от автохтонного постэнеолитического населения, сохранявшего традиции гребенчатого геометризма, можно уловить лишь в орнаментации керамики. Но это именно реминисценции, поскольку синташтинская система орнаментации наследует уже сложившиеся в недрах абашевской культуры Южного Приуралья стереотипы декорирования посуды, включая основной набор элементов, способы их компоновки в мотивах, композиционное построение и даже стилистические особенности.

Конечно, здесь нельзя обойти вопрос о происхождении в самой абашевской культуре элементов орнамента, демонстрирующих достаточно резкую трансформацию орнаментальных традиций, сопровождавшую расширение ареала абашевской культуры. Дело в том, что именно с выходом абашевской культуры на развитом («классическом») этапе в Южное Приуралье и происходят отмеченные метаморфозы в орнаментальных традициях. При этом прослеживается существенная эволюция наиболее показательных геометрических, меандровидных элементов орнамента. Очень весомым аргументом является изменение самой техники нанесения орнамента, что проявилось в постепенном вытеснении резного орнамента оттисками гребенчатого штампа (Кузьмина О. В., 1999, с. 201-202).

Усложнение орнамента на приуральской абашевской

керамике, прежде всего геометрического, О. В. Кузьмина объясняет необходимостью «…утверждения культуры на новой территории и в новой культурной среде» (там же, с. 202). Но если вторая часть данного тезиса вряд ли может быть поставлена под сомнение, то относительно первой этого сказать нельзя. Такая мотивация неизбежно должна была привести к приоритетности традиционных элементов абашевского орнамента, составляющих ядро гончарной традиции. Этого не происходит. Напротив, мы наблюдаем превалирование новых для абашевской орнаментальной традиции геометрических элементов. Это могло стать следствием лишь достаточно длительных контактов с носителями иных культурных стереотипов, которые постепенно становятся значимыми с точки зрения семантической нагрузки. Учитывая специфику ручного гончарного производства, можно даже предположить конкретный механизм передачи навыков и идей за счет процессов миксации, ибо функции изготовления посуды в традиционных обществах, как правило, выполняли женщины.

Итак, смешение разнокультурных компонентов в Приуралье мы наблюдаем уже в предсинташтинское время. Оно действительно носит своего рода «механический» характер, и дает нам представление о субстратных и суперстратных составляющих синташтинского культурогенеза. Но катализатором этого процесса, вероятно, стал внешний импульс из среды носителей турбинских металлургических традиций (Ткачев В. В., 2001, с. 4; 2003, с. 17). Реконструируемый характер культурогенеза хорошо согласуется с теоретическими разработками по проблемам миграций и культурных трансформаций в архаических обществах и возможности их фиксации в археологических материалах (Кузьмина Е. Е., 1994, с. 223-226; Григорьев С. А., 1990, с. 32-35).

Указанные обстоятельства позволяют с уверенностью говорить о непосредственном взаимодействии на заключительном этапе СБВ в степном Приуралье скотоводческого населения, составлявшего северо-восточную периферию катакомбной общности, и сместившихся из лесостепных районов абашевских популяций. Именно эти процессы, вероятно, составляют своего рода предысторию Волго-Уральского очага культурогенеза ПБВ, иллюстрируют конкретные механизмы его формирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреева М. В., 1989. Курганы у Чографского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. М. – С. 24-124.

Андреева М. В., 1989. Курганы у Чографского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. М. – С. 24-124.

Археология, 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. – 382с.

Баринов Д. Г., 1996. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. I. Саратов. – С. 84-97.

Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. – 165 с.

Березкин Я. Б., Калмыков А. А., 1998. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историкокультурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь. – С. 55-95.

Берестенев С. И., Мартемьянов А. П., Сорочан С. Б., 1996. Межреспубликанская научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины» (Харьков, 1-3 марта 1995 г.) // РА. № 4. – С. 215-219.

Богданов С. В., 1998. Большой Дедуровский Мар // АПО. Вып. II. Оренбург. – С. 17-37.

Богданов С. В., 1999. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья. Проблемы культурогенеза. Автореферат дис. … канд. ист. наук. Уфа. – 28 с.

Богданов С. В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург. – 285 с.

Богданов С. В., Халяпин М. В., 2000. Памятники покровской эпохи в степном Приуралье // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург. – С. 44-56.

Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А., 1991. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л. – С. 3-49.

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. – 251 с.

Братченко С. Н., 1995. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной

Европы. Часть II. СПб. – С. 8-26.

Бытковский О. Ф., Ткачев В. В., 1996. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // АПО. Вып. I. Оренбург. – С. 68-84.

Васильев И. Б., 1975. «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйбышевского областного музея краеведения. Вып. III. Куйбышев. – С. 76-83.

Васильев И. Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Том. 230. Куйбышев. – С. 24-56.

Васильев И. Б., 1999. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара. – С. 66-114.

Васильев И. Б., Колев Ю. И., Кузнецов П. Ф., 1986. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев. – С. 108-149.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев. – 230с.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И., Тихонов Б. Г., 1987. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев. – С. 40-54.

Васильев И. Б., Пряхин А. Д., 1979. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. № 2. – С. 145-152.

Васюткин С. М., Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х., 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа. – С. 67-88.

Виноградов Н. Б., 1995. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Вып. 1. Челябинск. – С. 16-26.

Виноградов Н. Б., 2001. Парадоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 189-193.

Гак Е. И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. Москва-Элиста. – С. 280-299.

Гей А. Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир. – С. 4-14.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М. – 222 с.

Горбунов В. С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа. – 95 с.

Горбунов В. С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа. – 223 с.

Горбунов В. С., 1992а. Могильник бронзового века Ветлянка 4 // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург. – С. 166-194.

Горбунов В. С., Иванов В. А., 1992. Памятники эпохи бронзы из Оренбуржья и Южной Башкирии // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург. – С. 206-227.

Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х., Акбулатов И. М., 1989. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа. – С. 17-34.

Григорьев С. А., 1990. Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. – С. 26-41.

Денисов И. В., Иванов В. А., Исмагилов Р. Б., 2001. Новые древности с территории Южного Урала // АПО. Вып. V. Оренбург. – С. 75-90.

Дервиз П. Г., 1989. Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополья. М. – С. 257-269.

Дремов И. И., 1996. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. I. Саратов. – С. 98-118.

Жеребилов С. Е., 2001. Культурно-хронологическая ситуация эпохи средней бронзы в низовьях Северского Донца // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 393-400.

Збруева А. В., Смирнов А. А., 1939. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. № 4. – С. 193-196. Зданович Г. Б., 1997. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2. – С. 47-62.

Качалова Н. К., 1967. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып. 112. – С. 14-22.

Качалова Н. К., 1983. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. № 24. – С. 4-19.

Качалова Н. К., 2001. Относительная хронология

полтавкинских памятников // АСГЭ. Вып. 35. – С. 32-58.

Кияшко А. В., 1996. К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории Волго-Донского междуречья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы конференции. Волгоград. – С. 20-23.

Кияшко А. В., 1998. Полтавкинские подбойные погребения низовий Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград. – С. 17-28.

Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград. – 182 с.

Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград. – 268 с.

Ковалева И. Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск. – 88 с.

Кореневский С. Н., 1977. О древнем металле бассейна Самары // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев. – С. 44-65.

Кореневский С. Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2. – С. 33-48.

Кореневский С. Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М. – 174 с.

Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1991. Погребения древнеямной культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара. – С. 120-137.

Кузнецов П. Ф., 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Куйбышев-Свердловск. – 73 с.

Кузнецов П. Ф., 1990. О культурной интерпретации погребений в катакомбах Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тезисы докладов конференции. Куйбышев. – С. 59-60.

Кузнецов П. Ф., 1991. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья // Автореф. … дис. канд. ист. наук. М. – 17 с.

Кузьмина Е. Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. – 463 с.

Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара. – 128 с.

Кузьмина О. В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. I. Самара. – С. 154-205.

Кузьмина О. В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние

общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб. – С. 65-134.

Кузьмина О. В., 2001. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 153-160.

Либеров П. Д., 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М. – 208 с.

Литвиненко Р. А., 2001. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 161-169.

Логвин В. Н., 1995. К проблеме становления синташтинскопетровских древностей // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Часть 5, книга 1). Челябинск. – С. 88-95.

Лопатин В. А., Якубовский Г. Л., 1993. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Вып. I. Саратов. – С. 137-158.

Ляхов С. В., 1996. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. I. Саратов. – С. 77-84.

Ляхов С. В., Матюхин А. Д., 1992. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург. – С. 108-139.

Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические Вести. Вып. 4. СПб. – С.52-61.

Матвеев Ю. П., 1980. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой (по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. – С. 66-75.

Матвеев Ю. П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие

и формирование срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж. – С. 8-21.

Мельник В. И., 1989. Восточная периферия катакомбной общности // Археология восточно-европейской степи. Саратов. – С. 131-132.

Мельник В. И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М. – 135 с.

Мимоход Р. А., 2002. Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. Москва-Элиста. – С. 228-244.

Моргунова Н. Л., 1979. Отчет о раскопках в Илекском, Оренбургском и Красногвардейском районах Оренбургской области по Открытому листу № 304 // Архив Археологической лаборатории ОГПУ.

Моргунова Н. Л., 1984. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев. – С. 58-78.

Моргунова Н. Л., 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. № 4. – С. 123-131.

Моргунова Н. Л., 1996. Курганы у с. Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Вып. 1. Оренбург. – С. 8-43.

Моргунова Н. Л., 2001. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XV УАС. Тезисы докладов конференции. Оренбург. – С. 97-98.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. № 2. – С. 35-50.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург. – 152 с.

Моргунова Н. Л., Порохова О. И., 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж. – С. 160-172.

Николова А. В., Бунятян Е. П., 1991. Погребение «мастера» с Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев. – С. 128-136.

Обыденнов М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденнова Г. Т., Гарустович Г. Н., 2001. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа. – 159 с.

Отрощенко В. В., 2000. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск. – С. 66-72.

Отрощенко В. В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європии (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ. – 288 с.

Парусимов И. Н., 1997. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. I. Новочеркасск. – 75 с.

Пестрикова В. И., 1979. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Том 230. Куйбышев. – С. 99-110.

Полидович Ю. Б., 1993. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. № 2. Донецк. – С. 35-97.

Порохова О. И., 1979. Отчет о разведках по р. Ток в Красногвардейском и Александровском районах Оренбургской области в 1979 г. // Архив Археологической лаборатории ОГПУ.

Порохова О. И., 1983. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 году по Открытому листу № 608. Том II // Архив Археологической лаборатории ОГПУ. Пряхин А. Д., 1974. Абашевские поселения в Поволжье // I ПАЭС. Казань. – С. 14.

Пряхин А. Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж. – 168 с.

Пряхин А. Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж. – 168 с.

Пряхин А. Д., Горбунов В. С., 1979. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж. – С. 72-98.

Родионов В. В., Ткачев В. В., 1996. Новые погребальные памятники эпохи бронзы в Актюбинском Приуралье // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара. – С. 83-108.

Сальников К. В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. 1. – С. 16-58.

Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М. – 405 с.

Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н., 2002. Новое в археологии бронзового века Западной Азии // Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Мижнародної наукової конференції. Луганьск. – С. 166-179.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1978. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста. – С. 25-54.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1981. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и

средневековья. Элиста. – С. 29-69.

Синюк А. Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж. – 191 с.

Смирнов А. М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М. – 181 с.

Смирнов А. П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58. – С. 5-113.

Смирнов К. Ф., 1960. Быковские курганы // МИА. № 78 – С. 169-272.

Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М. – 82 с.

Степанов П. Д., 1956. Вольское городище // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. I. Саратов. – С. 5-21.

Тименков Д. М., 1997. Погребения эпохи средней бронзы могильника Крутец // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып II. Саратов. – С. 128-137.

Тихонов В. В., 1996. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. I. Саратов. – С. 37-52.

Ткачев В. В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск. – С. 37-65.

Ткачев В. В., 2001. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // УАВ. Вып. 3. Уфа. – С. 3-14.

Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000. Новые погребения энеолита – средней бронзы из Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // АПО. Вып. IV. Оренбург. – С. 27-54.

Трифонов В. А., 1991а. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л. – С. 92-166.

Трифонов В. А., 1991б. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев. – С. 101-116.

Турецкий М. А., 1992. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург. – С. 64-79.

Турецкий М. А., 1999. Курган 2 у с. Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степном Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. I. Самара. – С. 135-144.

Усачук А. Н., 1999. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк. – С. 70-87.

Халяпин М. В., 1999. К вопросу о культурной принадлежности памятников среднего бронзового века степного Приуралья // XIV УАС. Тезисы докладов конференции. Челябинск. – С. 107-108.

Халяпин М. В., 2000. Новые Абашевские материалы из Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск. – С. 102-119.

Халяпин М. В., 2001. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 417-425.

Халяпин М. В., 2005. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск. – С. 203-217.

Царев курган, 2003. Самара. – 164 с.

Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. – 180 с.

Черных Е. Н., Кореневский С. Н., 1976. О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. – С. 201-208.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М. – 320 с.

Шарафутдинова Э. С., 2001. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. – С. 148-153.

Шилов В. П., 1991. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА. № 4. – С. 132-144.

Шишлина Н. И., 2000. К вопросу о кенотафах предкавказской катакомбной культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына. Саратов. – С. 41-42.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

АПО – Археологические памятники Оренбуржья

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

ВДИ – Вестник древней истории

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МИА – Материалы и исследования по археологии

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ПАЭС – Поволжское археолого-этнографическое совещание

РА – Российская археология

РАН – Российская Академия наук

СА – Советская археология

УАВ – Уфимский археологический вестник

УАС – Уральское археологическое совещание